

Виктор Некрас

ЗЕМЛЯ ПОСЛЕДНЕЙ
НАДЕЖДЫ 1.
ДЕТИ КОНОПАТОГО
БОГА

ВСЕСЛАВ ЧАРОДЕЙ 2.1

Виктор Некрас

**Земля последней надежды –
1. Дети конопатого бога.
Всеслав Чародей 2.1.**

«Издательские решения»

Некрас В.

Земля последней надежды – 1. Дети конопатого бога. Всеслав
Чародей 2.1. / В. Некрас — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986393-5

После гибели Ростислава Владимировича Всеслав Чародей продолжает борьбу с Ярославичами. Война стремительно втягивает в свою орбиту всё новые земли, новых людей и новые княжества.

ISBN 978-5-44-986393-5

© Некрас В.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ. ПЁС ВЕЛЕСА	6
1. Кривская земля. Полоцк	6
2. Кривская земля. Полоцк	13
3. Дреговская земля. Окрестности Менска	19
4. Дреговская земля. Окрестности Менска	24
ПОВЕСТЬ ПЕРВАЯ	29
ГЛАВА ПЕРВАЯ.	29
1. Кривская земля. Гориславль3. Весна 1066 года, травень	29
2. Словенская земля. Перынь4. Лето 1066 года, изок	35
3. Кривская земля. Мядель. Починок Моховая Борода. Лето 1066 года, изок, Купала	40
4. Кривская земля. Озеро Нарочь	47
ГЛАВА ВТОРАЯ	53
Варяжье Поморье. Вендская держава. Полабская земля. Зверино-море6. Лето 1066 года	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Земля последней надежды – 1. Дети конопатого бога Всеслав Чародей 2.1.

Виктор Некрас

*Боги мои, боги Нави, старые, забытые,
Опалённые кострами да плетями битые
Дайте мне испить-напиться сока дикой ягоды,
Чтоб услышать голос крови богатырских прадедов.*
Сергей ТРОФИМОВ

– Ты не человек, – полутвердитительно прошептала Елисава.
Княжна догадывалась об этом, но все же прямое признание потрясло ее сильнее, чем она думала. – Кто же ты? Дьявол?

– Я – Пес Велеса. Страж реки Смородины. Долго рассказывать, сестра. Не знаешь ты старых богов, а ведь они – твои предки. Я и выше людей, и ниже, я и пообок от них.

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ
«СОКРОВИЩЕ ХАРАЛЬДА»

© Виктор Некрас, 2020

ISBN 978-5-4498-6393-5 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-6394-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Озару Ворону, который вернул мне веру в славянство

ПРОЛОГ. ПЁС ВЕЛЕСА

1. Кривская земля. Полоцк Весна 1029 года, березень

Заря вставала сумрачная, багровая, с запада, от Варяжьего моря пеленой напоздали свинцовые тучи. Холодный ветер ерошил на Двине мелкие волны, и сердитые белые барашки рядами бежали по воде к крутому берегу, бились о камни. Где-то далеко вспыхивали молнии, но грома слышно не было. Над полоцким детинцем реяла с пронзительным криком стая птиц, в которой мешались сизые галки и недавно прилетевшие грачи, вместо того, чтобы расхаживать с важным видом по проталинам и лесным полянам, хвастаясь белыми носами, орали на разные голоса, словно ждали чего-то. И несколько чёрных, с синеватым отливом, огромных воронов несколько раз за день, выныривая из ближнего леса, совершали размеренный облёт над Полоцком, оглашая воздух пронзительными суровыми криками.

– Недобрый знак, – произнёс задумчиво молодой дружинный вой Владей, разглядывая стаю с крепостной стены. – Неспроста они разорались тут сегодня. И с чего бы?

Ответа не было. Да и откуда ему быть?

Да и не волхв он, Владей, чтоб по птичьему полёту гадать, не его это дело. Вой вздохнул – смерть, как захотелось на охоту, чтобы мчаться по лесу верхом, подныривая под низко нависшие сучья, заставляя коня перемахивать через валежины, а потом, настигнув зверя, подняться на стременах и, оттянув тетиву до уха вогнать стрелу в бурый или рыжий бок лесного зверя. А то, спешась, ринуть с рогатиной наперевес, против клыков, рогов или когтей. А потом, у костра, пить из берестяных чаш стоялый мёд и тёмное пиво, хвастаться добычей друг перед другом.

Но нет.

На охоту ещё со вчерашнего утра умчался со старшей дружиной Брячислав Изяславич, хозяин Полоцка и всей западной кривской земли, и сейчас друзья-товарищи Владея, небось, как раз и гоняют по лесу зверьё. А ты вот стой тут, над воротами (в граде дружины осталось невеликое количество, поэтому гридень Якун, которого князь оставил старшим над детинцем, наказав беречь Полоцк, велел глядеть не то, чтобы в оба глаза, а в три, а у кого сыщется ещё, так и в четыре, – а на послышавшиеся смешки добавил, что вовсе не шутит и грозно пообещал недостающие глаза проделать воям лично, исправив давнее упущение Рода), глазей на Двину, слушай многоголосое карканье серых побирушек, да краем глаза поглядывай на полёт воронов.

За шумом Владей не расслышал шороха шагов по забору – шла смена. И опомнился только тогда, когда на плечо ему легла тяжёлая ладонь гридня Якуна. Ощутил на плече сквозь рубаху и свиту грубую кожу и бугорчатые швы рукавицы, вздрогнул и оборотился.

– Дремлешь на посту, ... мать?! – медленно свирепея, начал Якун. Владей же проклял в душе сегодняшнюю свою очередь в страже – не будь её, он, пожалуй, с князем на охоту бы попал. И не пришлось бы сейчас перед Якуном краснеть.

– Чего молчишь, байстрюк?! – в голосе Якуна лязгнуло железо, и вой очнулся от странного забытья. Подумал мельком – чего-то со мной сегодня не то. Да и Якун что-то рычит не в пример обычному.

– Прости, Якуне Стемирич, – повинился он тут же, низя глаза. – Задумался... да и эти (он мотнул головой в сторону галдящей над детинцем стаей) разорались, вот и не слышал шагов.

– Задумался он, – проворчал гридень, всё ещё пыхая нерастраченным гневом. – О службе думать надо, когда на службе находишься. А не о бабах!

Владей задумался отнюдь не о бабах, но спорить с гриднем не стал. Остановил взгляд на довольно скалящемся лице Нечая за спиной у Якуна – они с Нечаем уже два или три года ходили плечо к плечу и щит к щиту в княжьей дружине, а до Нечаевой прошлогодней женитьбы и спали на соседних лавках в дружинной избе, спина к спине. Различил в глазах друга насмешливый огонёк, чуть дёрнул щекой в ответ и, шагнув на лестницу, быстро сбежал вниз, на двор, провожаемый холодным взглядом Якуна.

На княжьем дворе было пусто, и Владей несколько мгновений постоял, покачиваясь с пяток на носки и слушая, как сверху, с заборолы, доносится хриплый рык Владея – гридень в гнев пушил сторожу.

В ворота вбежал мальчишка, запыхавшись, несколько мгновений оглядывался, потом, заметив Владея, бросился к нему. Остановился, переводя дух и околавывая грязь с замызганных поршней.

– Ну? – улыбнулся вой, с удовольствием разглядывая мальчишку. – Кто таков и откуда?

– Да здешний я, Техоном кличут, – зачастил тот в ответ. – Сосед я Нечаю Неверичу, вою князьему.

– И чего ж тебе надо, Техоне? – по-прежнему весело спросил Владей.

– Да Нечая Неверича и надо мне, срочно!

– Прямо вот так срочно?

– Ой, до зарезу просто! – воскликнул Техон, шаря взглядом по двору. – Вот так!

И чиркнул ребром ладони по горлу.

– Эй, Нечая! – крикнул Владей, подняв голову. С заборолы выглянули несколько человеческих голов – ни гридень Якун, ни Нечай, ни иные вои ещё не ушли к другому посту. – Тут вот тебя сябер твой домогается, говорит, вести важные. Не иначе как тебя великим князем киевским выбрали!

– Дядька Нечай! – завопил Техон, увидев, наконец, знакомое лицо. – Дядька Нечай, меня тётка Воибуда прислала, чтоб тебе передал – началось!

– Что началось? – непонимающе переспросил Нечай, и почти тут же его лицо расплылось в улыбке, словно ему посулили что-то радостное и важное. Он повернулся к гридню. – Дозволь, Якуне Стемирич, уйти на час мал, потом хоть весь день в страже отстою!

Якун несколько мгновений разглядывал Нечая, словно сомневаясь, а не следует ли послать парня подальше по матушке да с тремя перевёртами через тын, потом всё же смиловился – не иначе, как вспомнил себя молодым:

– Ладно, ступай. Но смотри у меня...

– Смотрю! – радостно завопил Нечай, стремительно скатываясь вниз по лестнице, промчался мимо Владея и стрелой вылетел в ворота. Техон, несколько мгновений подумав, бросился за ним следом.

Якун только усмехнулся.

Воибуда, жена Нечая, дохаживала непраздной последний месяц, и стало ясно, что именно началось.

Княгиня Путислава отложила ложку (проворная холопка тут же убрала со стола поливную чашку с янтарными остатками ухи на дне), протянула руку к каповому блюду с бережёными с осени в погребе яблоками (угодила ключница госпоже!) и вдруг ахнула от острой боли в животе. Поймала мгновенный внимательный взгляд свекрови («Что, началось?» – словно спрашивала она) и опустила глаза. Похоже, да, началось. Гостивита только мягко улыбнулась и хлопнула в ладоши.

Мгновенно рядом оказались слуги, сильно и мягко подхватили под локти и повели. Дальнейшее Путислава помнила смутно, опомнясь только на пороге бани, дверь которой услужливо распахнулась словно сама собой.

Старшая княгиня остановилась у порога, огляделась, досадливо топнула ногой. И унесло ж непутёвого сынка на охоту как раз сейчас, не мог пождать хоть дня три, было бы хоть кому роды жены постеречь, нечисть мечом отогнать. И тут же сама себя укорила за глупость – ну откуда Брячиславу было знать, что рожать жене надо будет именно сейчас. В этот миг ей и попался на глаза идущий через двор Владей.

– А ну, поди сюда, Владее!

Когда зовёт мать господина послушаться вою нельзя.

– Будешь сторожить, – бросила княгиня-мать, нетерпеливо оглядываясь по сторонам.

– Что сторожить? – не понял Владей, но Гостивита уже не слушала – от ворот почти бегом семенила сухонькая старушка, которую знал весь Полоцк – повитуха Кърга, та, у которой никогда не бывало такого, чтобы умерла роженица или ребёнок, если уж только в утробе прямо мёртвый был. Увидев Къргу, Владей мгновенно понял, что и кого именно ему придётся сторожить и враз сбледнул с лица – как-никак княгиня рожать будет. О том, что жена Брячислава Изяславича тоже доживает последний месяц, знали все, хоть и опасались всеу про то говорить – не дай боги, сглазишь. Ни к чему там и сям болтать про такое...

Гостивита, дождавшись, пока Кърга окажется рядом, не чинясь, поклонилась в пояс:

– Пожалуй, матушка! – и сама распахнула перед старухой банную дверь. Вошла следом за ней сама и, уже с порога оборотясь, повторила Владею. – Стереги!

Так велела, что рука воя сама по себе легла на рукоять меча.

А как же жена Нечая рожать будет, без повитухи-то? – глупо подумал вдруг Владей, но тут же отмёл эту мысль – не одна повитуха в Полоцке, найдётся кому и за Воибудой приглядеть. Тут уж без споров – княжьего ребёнка должна принять лучшая повитуха.

Из отворённой двери, меж тем, раздался первый крик, и Владей мгновенно сжал руку на рукояти меча. И замер, увидев идущего от ворот старика в длинной, почти до полу свите, увешанной оберегами, с могучими бычьими рогами на челе.

Волхв!

Волхв Славимир пришёл в Полоцк откуда-то с менской стороны, с родины княгини Путиславы, ещё три дня назад. Поговаривали, что живёт он у кого-то на Подоле, зачем пришёл – не говорит, отмалчивается, бродит по городу, словно ждёт чего-то. Теперь понятно, чего он ждал, – быстро подумал Владей, хотя и не совсем всё было понятно. Около волхва вдруг образовалась кучка людей, они словно чего-то ждали, а Славимир цепко оглядывал княжеский двор и весь детинец, останавливая взгляд то на выступающем из земли посреди детинца большом плоском камне, то на высоком княжьем тереме, то на рубленой, посерелой от времени бане, рядом с которой стоял, положив руку на рукоять меча, Владей. Лицо волхва было непроницаемо, и при каждом повороте головы чуть вздрагивали обереги на одежде и рога на шапке. Наконец, Славимир перестал разглядывать двор и повернулся к Владею.

– Ты, – длинный сухой палец волхва указал прямо в середину груди воя, и Владей даже чуть отступил. – Будешь делать то, что скажу я.

– Но княгиня мне приказала... – возразил было Владей, но в этот миг из бани раздался новый крик роженицы, а потом на пороге появилась Гостивита. Она вмиг поняла трудноту Владея, оценила вид волхва и кивнула вою:

– Делай, что он говорит, Владее, ему виднее, от кого и как нечисть отгонять, – и только после того поклонилась волхву. – Гой еси, владыко. Помоги нам...

– Для того и пришёл, – сурово и скупно ответил старик, бросил горящий взгляд на небольшую кучку собравшихся людей, кому-то кивнул. Княгиня вновь исчезла в полутёмной бане, оставив дверь отворённой, и Владей отворотился – не дело вою глазеть на женские дела. Тем паче, на ТАКИЕ.

Нечай воротился домой почти бегом, отворил калитку наотмашь и остановился посреди поросшего травой двора, не понимая, что ему делать дальше. И почти тут же с крыльца навстречу ему метнулась дочь:

– Отче!

– Мать где? – отрывисто спросил Нечай, всё ещё озираясь.

– В бане она, с бабкой Яриной.

Ну добро, коль так. Ярина баба опытная, не одного младеня приняла, и дочку Нечаеву принимала когда-то.

– Мне она передала чего-нибудь, Възорушка?

– Сказала – стереги, – дочь улыбнулась, глядя совершенно материным взглядом – тепло и ясно, склонив голову набок, словно знала про него что-то не ведомое другим людям. Владей понятиливо кивнул, и выдернув из ножен меч, побежал к бане.

Дверь бани была отворена настежь, и оттуда уже слышались крики. Когда женщина рождает, то и в доме, и на дворе, и уж тем паче, в бане, где она рождает, должны быть отворены настежь все двери и ворота, и окна отволочены, и замки открыты, и запоны расстёгнуты, и узлы развязаны. Так легче отпереть ворота меж Этой стороной и Той, чтобы душа младеня явилась сюда. Но с ней вместях могут попасть и те, кого не ждут, благо все затворы открыты и межи порушены. Потому и надо стеречь.

Владей присел на завалинку у бани, положил нагой клинок на колени и стал ждать, то и дело косясь в сторону отворённой двери и оглядывая окрестности – и утопанный двор с редкой травой, и чуть покосившийся забор на репище, и высокий заплот, сколоченный из толстых плах, и тополя за забором, упирающиеся голыми по весне ветками в прямо в серо-синие тучи.

Ждать ему пришлось недолго – уже через несколько мгновений он услышал шаги – тяжёлые, словно шёл медведь, зубр альбо индрик даже, и, вместе с тем, сторожкие, почти кошачьи. Как такое могло быть одновременно, он не понимал, да и не хотел понимать. И хозяина шагов он не видел тоже. И видеть не хотел.

Владей вскочил на ноги, бегом бросился вокруг бани, чертя по земле круг закруглённым концом меча – через натопанную сотнями дней дорожку на репище, через заросшую травой межу, через давным-давно засохшие кусочки навоза, оставшиеся ещё с прошлой весны, когда он вывозил навоз на репище и в поле. Замкнул круг поднялся во весь рост, загораживая собой дверь, за которой прерывисто стонала и дышала жена.

– Поди прочь! – рявкнул он, прибавляя на всякий случай матом, и прочертил перед собой круг мечом. В ответ раздался короткий утробный рык, а следом за ним – глухой рокот в тучах.

Нечай не знал и не хотел знать, что за нечисть тут пожаловала за его ещё не родившимся сыном (а хотелось, ах как хотелось верить, что будет сын!). Волосы на голове встали дыбом, вой почти ощущал, как приподымается кожаный шелом, как течёт по спине холодный пот. Сейчас он уже не завидовал своим товарищам, которые на охоте гоняют зверя. Сейчас он был нужен здесь.

Жена за спиной пронзительно закричала, перекрывая успокаивающее бормотание пови-тухи, от детинца (Нечай жил недалеко от княжьей крепости) долетел дикий крик. Так кричат убиваемые кони, Нечай помнил это – около детинца тоже происходило что-то непонятное, страшное. И почти тут же сверкнула молния, грянул гром, а следом раздался жалобный скулёж Того, кто сейчас невидимый стоял за прочерченным кругом.

Третий крик Воибуды полоснул по ушам, и сразу же от детинца донёсся могучий рык, словно нападал зубр альбо медведь. Молния ослепила белой вспышкой, гром грянул ещё сильнее, чем прежде, и с ним слился, стал почти неслышным истошный вопль убегающей нечисти. И сразу же после этого хлынул дождь. А из бани послышался тонкий захлёбывающийся детский крик.

Нечай устало сел на завалинку, не заботясь о том, что садится прямо в грязь. Ноги не держали, в коленях стояла противная дрожкая слабость.

Из двери выглянула простоволосая (потому что косы во время родов тоже надо расплетать) женская голова. Потемневшая от прожитых лет кожа с коричневыми пятнами и морщинами, тонкий острый нос и блёклые глаза, когда-то голубые, а сейчас почти что и водянисто-прозрачные.

Ярина.

Повитуха несколько мгновений смотрела на Нечая, потом вдруг расплылась в улыбке (при этом стало хорошо видно, что у неё не хватает многих зубов).

– А хорош молодец, хорош. Глянь-ка, не забоялся никого, и жену оборонил... Ступай-ка сына прими, да жену поцелуй.

Сын!

Вокруг плоского камня на площади перед княжым двором горели костры – пять костров, сложенных из толстых коротких брёвен, невесть откуда челядью притащенных, а с княжьего двора уже вели на верёвке белого барана. Чуя недоброе, он брыкался и пытался вырваться, тряс курчавой шерстью, ронял на сложенную из толстых дубовых плах мостовую мелкий чёрный горох и жалобно блеял.

Когда-то давно (не в Рогволожи ли времена?) здесь, на слиянии Полоты и Двины, было святилище. Когда Владимир с Добрыней жгли город (старики рассказывали, что прошло с той поры больше полувека – а мало кто и выжил-то в Полоцке той порой!) сгорело и святилище. А Брячислав, когда восстанавливал город, новое святилище построить не решился. Да и крещён был полоцкий князь. Так и остался посреди детинца полоцкого плоский камень, к которому в праздничные дни (да ещё в голодные или засушливые годы) полочане несли дары богами и предкам.

Видимо, дреговский волхв об этом знал, потому и выбрал именно этот камень.

Барана подвели к Славимиру. Владей вдруг поразился тому, как преобразился волхв – теперь глядя на него, уже нельзя было предположить, что это древний старик, теперь около плоского камня стоял рослый и могучий старец, почти воин, и обрядовый каменный нож в его руке поневоле казался мечом. Стремительно мелькнул нож, рванулась из горла барана кровь, наполняя в заботливо подставленное челядином серебряное чернёное блюдо. Челядин с натугой поднял наполненное жертвенной кровью блюдо, и Славимир, приняв его, легко выплеснул кровь с крутого берега в Полоту.

– Вам, предки, навьи да берегини, – сказал он негромко, но так, что слышали все собравшиеся на площади люди, и небо в свинцовых тучах отзывалось на его слова сдержанным рокотом.

А со двора вели уже на цепях любимого княжьего коня, белого, без единого пятнышка – такие кони влекут по небу колесницу Солнца, каждый день везут Дажьбога с востока на запад. Почуяв кровь, жеребец захрапел, раздувая ноздри, рванул, конюхи едва не оплошались, но удержали-таки, напрягая все силы. Тут уж волхв не стал вступать, коротко кивнул Владею, и вой, мгновенно поняв, что от него требуется, обнажил меч. Тускло блеснуло над огнём железо, и конь вновь шарахнулся, поливая землю кровью из отворённой яремной жилы. В этот раз кровь не собирали – в землю должна уйти.

– Тебе, господине Род, да Рожаницам. Примите.

Рокот стал громче, прокатился над Двиной и Полотой, отразился от стен детинца и замесился по площади. Где-то опричь сверкнула молния.

С княжьего двора раздался могучий рёв.

С трудом удерживая, холопы вели разом двух быков – чёрного и рыжего, и быки, чуя кровь, рвались с цепей, стучали по мостовой тяжёлыми раздвоенными копытами, пытаясь рыть землю (при каждом ударе от мостовин летела щепка!).

В этот раз потребен был уже не меч – Владей и гридень Якун ударили с двух сторон копьями. Рыжий бык, пронзённый Якуном, с коротким храпом посунулся вперёд, падая на колени, утробно взмыкнул и повалился набок. Старый конь борозды не испортит! И рука старого воя не подвела! Владею же бить было не совсем с руки, и копыта ударило чуть вбок. Чёрный бык встал на дыбы с горловым хрипением, кося налитым кровью выкаченным глазом. Казалось, ещё миг – и он вырвется. Но цепи выдержали, и холопы пересилили. Бык снова пал на четыре ноги, мотая головой, и Владей всадил рогатину вторично. Видно, больше у зверя сил сопротивляться не было, ноги его подкосились и он повалился на траву рядом с товарищем, с которым они стояли рядом в стойле, ели сено из одних яслей, косились друг на друга лиловыми глазами да сражались за коров, если пастухи недоглядят. Теперь будут пастись в небесных стадах под приглядом Старого Быка, да приветствовать рёвом зарю.

Волхв внимательно следил за поведением быков, и удовлетворённо кивнул, словно что-то понял для себя, увидев, что чёрный бык сопротивлялся дольше и пал вторым. Вновь принял от челядина блюдо, полное кровью, подошёл к первому костру и плеснул в него из блюда. Зашипел огонь, удушливо потянуло горелой кровью.

Костёр в ответ на кровь взвился ярким снопом пламени, словно и не кровь в огонь выплеснули, а расплавленную смолу.

– Тебе, господине Перун, – волхв выпрямился и глянул на огонь суженными глазами. – Не покинь княжича светлого на стезе княжьей.

Вновь сверкнула длинная ветвистая молния, оглушительно грянул гром, длинными раскатами прокатился над Двиной и ушёл куда-то в заречные леса. Толпа заволновалась, но никто не уходил, все ждали конца обряда. Да и можно ль уйти?! Срам! И богам оскорбление!

Второй костёр в ответ на пролитую в него жертвенную кровь взвился клубом дыма, который тут же вытянулся столбом к заволокнувшему небо свинцовым тучам.

– Тебе, отче Хорсе Дажьбог, – с поклоном возвестил волхв. – Освети светом своим путь княжича светлого.

У третьего костра волхв на мгновение остановился, словно раздумывая. А огонь в костре плясал, словно ожидая, языки пламени метались без всякого ветра. Наконец, волхв с поклоном вылил в огонь почти всю оставшуюся в блюде кровь, и толпа ахнула – эта жертва оказалась самой щедрой.

– А ты, господине Стрый-бог Велес, сам ведаешь, что тебе делать для княжича светлого, – непонятно сказал волхв, и толпа ахнула вдругорядь. Густой клуб дыма поднялся над костром и вдруг сложился в видение – то ли воин, то ли охотник, то ли зверь, косматый и рогатый, глядел на людей из дыма.

Потом многие клялись и божились, будто они видели и слышали многое. Кто-то слышал многотысячегный топот конских копыт и ржание коней, кто-то – треск пламени и крики людей, кто-то звон оружия и лязг цепей. Кому-то привиделся горящий город, кому-то – тонущие лоды, кому-то – оскаленная волчья пасть, а кому-то – голый череп с полуотставшими клочьями гнилой плоти.

Остальные два костра волхв миновал быстрее.

– Тебе, господине Ярило, тебе, мати-Мокоше! – кланялся Славимир. – Не оставьте милостями своими княжича светлого.

Новая ветвистая молния вспыхнула ослепительно-белым, грянул гром и хлынул ливень, гася костры. Первая в этом году гроза всё-таки добралась до Полоцка.

Боги приняли жертвы.

С княжьего двора бежала Путиславина чернавка, радостно размахивая руками, и в её криках, заглушаемых грохотом грозы, можно было расслышать слова «Сын! Мальчик!».

Волхв Славимир лежал рядом с окровавленным камнем ничком, раскинув крестом руки. Владей и Якун мгновенно переглянулись и, подхватив старика под руки, подняли его на ноги.

Тело волхва оказалось неожиданно лёгким, словно состояло из одних костей, прикрытых одеждой.

Мальчик!

Княжич!

Будущий князь полоцкий.

Два священника смотрели на всё это с крепостной стены.

– Да что ж мы стоим, кир Мина! – то и дело порывался что-то сделать тот, что постарше, седой и морщинистый старик-белец, круглый, словно колобок. Его глаза так и лучились голубым светом, он гневно притопывал ногой. – Да ведь это ж... это ж открытое нечестие! Надо им пояснить, помешать!

– Остынь, – остановил его второй, худой и высокий чернец-середович. Он глядел на горящие на площади костры неотрывно, и в его карих, выпуклых как маслины, греческих глазах, плясали отсветы огня. – Ты, Анфимушко, сколько уж лет тут, в Полоцке живёшь? Мог бы и привыкнуть, что тут все – нечестивцы, невегласы. Язычники. Идолопоклонники. Все. Вся страна. Даже князя.

Говорили по-гречески, и стоящий невдали в стороже вой не понимал ни слова. Впрочем, ему и дела до того не было.

В голосе Мины ясно звякнуло железо. Анфимий вздрогнул – епископ, кажется, впадал в грех ненависти.

2. Кривская земля. Полоцк Зима 1039 года, просинец

Книга была большая, даже на вид тяжёлая, в переплёте потемнелой от старости кожи, с узорными медными накладками по углам и чернёной серебряной застёжкой, и полустёршейся позолотой вилось по крышке и корешку тиснёные буквы. Разглядеть можно было только «пси», «люди» да «твёрдо», остальные угадывались только по следам от тиснения.

Всеслав покосился на книгу с плохо скрытым отвращением – ну какому мальчишке в десять-то лет хочется сидеть за столом и повторять за учителем «аз», «буки», «веди» или разбирать «Часослов»? В то время как посадская ребятня, да и бояричи, товарищи его игр, может быть, в это время катятся весёлой гурьбой с горы вниз, на двинский лёд, вперемешку с комьями снега альбо строят на льду снежную крепость, чтобы после, поделив на два войска, взять её приступом.

Впрочем, сегодня вряд ли такое веселье – святки миновали, а до масленой недели ещё далеко, и ровесники Всеслава тоже заняты делом. Те, что из знатных семей, бояричи да гридичи, так же, как и он, сейчас корпеют над «Псалтырью» и «Часословом», над «Правдой Русской». А посадские простецы, те у родителей в работе: одним – сапоги тачать, сёдла да зепи шить, поршни гнуть, другим – лапти да корзины плести, третьим – уклад в кузнях разбирать, четвёртым – ногаты в лавке отцовой считать. Всем дело найдётся долгой кривской зимой.

Над камышовой кровлей уныло завывал ветер, гудел под свесами церковной кровли, переносил с места на место снеговые вихри. Качалось и чуть слышно позвякивало клепало на верху церкви, скрипела, поворачиваясь вслед за ветром, стрела на верхушке смотровой вежи в детинце, где-то на заднем дворе хлопала, мотаясь по ветру, калитка на репище, не затворённая полоротым холопом. Будет сегодня радости лисе, коль придёт поживы искать – дорога на двор пресвитера свободна. Может, и найдёт чего.

Всеслав вживе вообразил себе, как рыжая разбойница крадётся меж омётов на репище, потом долго стоит у отворённой калитки, не решаясь шмыгнуть во двор, усиленно нюхая воздух, и вздрагивая при каждом скрипе петель и при каждом хлопке мотающегося туда-сюда воротного полотна. Как, наконец, решась, стремительно проскакивает через калитку и начинает кружить по двору, нюхая следы и рыскать опричь стаи, стараясь держаться подальше от собачьей будки и нарочито не обращая внимания на рвущегося с цепи кобеля. А потом, забравшись по сугробу пологой загате на кровлю хлева и найдя там едва заметную прогнившую дыру, не залатанную всё тем же полоротым холопом, нырнёт внутрь, учуя из дыры живой дух – и встанет кровавая потеха сквозь истошный вопль гибнущей птицы!

Княжич так задумался о приключениях лисицы, глядя в пространство перед собой и бездумно улыбаясь, что не расслышал шаркающих шагов наставника. Холоп в углу чуть шевельнулся и предупредительно кашлянул, только то и спасло от оплошки. Всеслав вздрогнул, выпрямился, услышал шаги в сенях и, в досаде закусив нижнюю губу, протянул руку к книге. «Псалтырь».

Чужое, хоть и знакомое слово отдалось в памяти гулким ударом вечернего била, Всеслав поморщился, но руки уже привычно откинули застёжку и перевернули крышку, и впрямь весящую немало. Как боевая рукавица, – подумалось мельком, и княжич сам подивился прошедшему сравнению. Страницы Псалтыри были под стать самой книге – пожелтевшая от старости харатья со старательно выписанными буквами и прорисованными заставками. Всеслав невольно усмехнулся, вспомнив, как в первый год обучения он вот так же во время отсутствия наставника, едва умея писать, вздумал нарисовать себя верхом на коне и с мечом в руке на полях «Часослова», и как пресвитер Анфимий потом сокрушённо хлопал себя ладонями по бокам, повторяя непонятные слова: «Самого равноапостольного Мефодия „Часослов“!».

Каждое слово в отдельности было понятно, а вот всё вместе – нет. Как и сокрушения наставника, как и прищуренный, словно прицельный (не прицельный, нет! мнихи не сражаются, не целятся, не стреляют! для них это грех!) взгляд епископа Мины, непонятный. Тогда – непонятный. Сейчас Всеслав понимал и слова Анфимия, и его опечаленность, и каждый раз при встречах с наставником его охватывала странная неловкость, хотя сам Анфимий тот случай вспоминал не иначе как со смехом. И только взгляда Мины Всеслав по-прежнему не понимал. Пожалуй, если бы Мина ещё раз взглянул на него ТАК ЖЕ, он, Всеслав, понял бы. Но епископ избегал встречаться взглядом с княжичем, словно знал о нём что-то стыдное или опасное (для него, Мины, для церкви, а то и для Руси всей опасное!) и боялся выдать это взглядом, боялся, что и он, Всеслав, поймёт это и узнает тоже.

Скрипнув давно не мазаными петлями, отворилась дверь, и через порог переступил пресвитер Анфимий. Остро глянул на Всеслава, словно проверяя, чем занят ученик, кашлянул удовлетворённо, сбросил длинную серую свиту, оставшись только в чёрном подряснике, и прошёл к столу. Всеслав притворился, что читает, даже губами зашевелил, хотя буквы плясали перед его глазами, и он не мог понять ни слова из тех, по которым сейчас бежал его взгляд.

– Оставь книгу сию, чадо, – добродушно сказал Анфимий. – Мы уже достаточно по ней занимались, сегодня у нас будет иное занятие.

Всеслав с нескрываемым облегчением вздохнул, отодвигая «Псалтырь». Какое бы занятие не придумал для него наставник, вряд ли оно будет скучнее чтения этого сборника непонятный славословий. И как только бог их терпит? – мелькнула крамольная мысль, но Всеслав постарался запихать её подальше, чтобы не стала заметной.

Анфимий поднял крышку огромной укладки, тяжёлой, резного дуба с железной оковкой, замер на мгновение, разглядывая внутренность дощатого короба, словно отыскивая нужное, потом наклонился и вытянул изнутри длинный чехол твёрдой, потемневшей от старости кожи. Положил его на стол, взял со стола «Псалтырь» и вновь наклонился над укладкой, размещая книгу внутри. Чехол был длинный и круглый, и Всеслав сразу догадался, что там, внутри – свиток. Скорее всего, харатейный. Тоже должно быть, жёлтый, а то и тёмный от старости.

Пресвитер мягко опустил крышку укладки, с заметной натугой удерживая её на весу, и повернулся к столу. Раздёрнул шнуровку чехла и вытянул наружу свиток. Всеслав удовлетворённо улыбнулся. Оставалось теперь только пожелать, чтобы в этом свитке оказалось что-нибудь любопытное или полезное.

Свиток, едва слышно шелестя, развернулся на столе, и первые, заглавные буквы бросились в глаза княжичу.

– Правда роусьская, – прочитал он, разбирая витиеватые буквы, и поднял на наставника обрадованные глаза. А пресвитер только вздохнул и кивнул – да, мол, вот и пришло тебе время. – Суд Ярославль Володимерич.

Против ожидания, харатья с записанным на ней законом, оказалась вовсе не старой, без царапин и пятен, а письма – довольно свежими, не потемнели и не расплылись. Всеслав несколько мгновений обдумывал увиденное. Он отлично знал, что всего двадцать лет прошло с той поры, как киевский князь Ярослав, отцов стрый, велел собрать и записать все законы. «Чтобы никто из судей не мог бы исказить закона и судить неправо», – передавали потом послухи. Когда же отец с Ярославом мирились, заключали ряд, после которого к Полоцку отошли города Витебск и Всвячь¹ (отцу тогда было едва двадцать пять лет, а самого Всеслава ещё и вовсе на свете не было) великий князь в дар на заключение мира передал своему строптивому сыновцу список «Русской правды». «Неужели тот самый список и есть?» – с замиранием души подумал Всеслав, касаясь харатьи кончиками пальцев, не в силах отделаться от ощущения, что его сейчас касается само время, то, которому подвластно всё, даже и боги... «и бог!» –

¹ Всвячь – сейчас посёлок Усвяты Псковской области РФ.

поправился княжич, покосившись на пресвитера – не догадался бы наставник, о чём думает его ученик. За упоминания старых богов полагалось наказание, и даже и сам князь Брячислав не смог бы его отменить, и пестун Брень Военежич тоже – отдавая сына в учение пресвитеру Анфимию и епископу Мине, Брячислав пообещал не вмешиваться в его учение.

Старых богов Всеслав знал – пестун Брень часто поминал их, а кое-что и рассказывал. Хотя рассказывать он умел хорошо, но не любил – чаще всего на вопросы про Перуна и Велеса он отворачивался со словами: «Я же не волхв, Всеславе», а его сын, погодок и друг Всеслава Витко, с которым они вместе проходили ли войскую и державную науку, только насмешливо скалил зубы. Впрочем, и уклончивость Бреня была понятна – гридень сам был крещён, и почитать старых богов и для него было грехом. А Всеслав в ответ только закусывал губу – до него уже не раз доходили слухи, что мать родила его «от волхвования», но на прямые вопросы (он несколько раз вроде как невзначай заставлял таких сплетников и спрашивал в лоб) сплетники мешались, краснели, начинали экать и мекать, отговаривались какими-то ничего не значащими словами. Отца Всеслав про такое спрашивать стеснялся, матери же в живых уже не было, а когда была – Всеслав был ещё слишком мал. А и была бы она жива – вряд ли бы осмелился спросить. Вот и старался княжич стороной хоть что-то узнать про таинственное «волхвование», про Ту сторону и приходящие с неё силы. Но знал пока что мало. Очень мало. А наставник Анфимий при первом же вопросе Всеслава побледнел, словно увидел какое-нибудь чудище на месте своего ученика. И Всеслав зарёкся спрашивать такие вещи у пресвитера. А уж про епископа Мину и речи нет – его Всеслав почему-то слегка побаивался, словно чувал в нём, епископе, что-то зловещее.

– Читай, – улыбаясь, велел Анфимий, садясь на лавку рядом с учеником.

– Аже оубиеть муж мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо братучадо, ли братню сынови; аще ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову осемьдесят гривен, аче будеть князь моужь или тиюна княжа; аще ли будеть русин, или гридь, любо купець, любо тивун бояреск, любо мечник, любо изгой, ли словенин, то сорок гривен положит и за нь, – нараспев прочитал княжич первую статью и несколько мгновений смотрел ещё на текст, вникая в суть и повторяя шёпотом отдельные слова.

– Понял ли, о чём? – Анфимий смотрел на княжича, подперев щёку ладонью.

– Понял, наставниче, – кивнул княжич.

– Тогда вот тебе бересто, вот писало и чернила. Перепиши.

Всеслав склонился над куском бересты, терпеливо скрипя писалом, а пресвитер Анфимий задумался, глядя на стриженную в кружок тёмно-русую голову ученика.

Миновало уже почти десять лет с того жуткого дня, когда они с епископом Миной стояли на крепостной стене детинца, и впору было бежать сломя голову, бежать, безумно запрокинув лицо, а внизу, под стеной, на площади перед княжьим теремом творилась суцая бесовщина. Пылали костры, плясал волхв с кудесом в руке, рокотал кудес и лилась в огонь кровь баранов, коней и быков. А разгневанное небо отвечало рокотом и ударами грома, неведгласы же радовались и кричали, принимая божий гнев за благоволение своих демонов. А в княжьей бане кричала, надрываясь, роженица – полоцкая княгиня Путислава, дочь дреговского князя Грозовита менского. И волхв тоже был дрегович, пришелец из Менска, в котором и о сю пору (стыдно и выговорить даже!) нет ни единой христианской церкви, не крещён народ, и сам князь, говорят, в язычестве прозябает. И не княгиня ль этого волхва в город призвала?! И ведь вроде пришёл он один (или с одним-двумя холопами, что всё равно что один!), а враз послушались его, и побежали за дровами, приволокли скотину на забой, и барана, и коня княжьего любимого, и двух полудиких быков, в которые была примешана кровь туров и зубров, и народ набежал... силен враг человеческий, и сколь далеки ещё от Христа души неведгласов здешних, лесовиков полудиких! Сколько трудов предстоит ещё приложить ему, пресвитеру Анфимию и епископу Мине, и другим полоцким христианам, которых, по правде-то сказать – горсть. Даже и князя

до сих пор носят языческие имена, про христианские, крещёные вспоминая только в дни тезоименитства да престольных праздников. Вон, даже сын князя, крещёного во Христе, и то – носит на шее языческий оберег, не тем ли самым волхвом сделанный при его рождении, смеет выпрашивать (у него, Анфимия, пресвитера выпрашивать!) про демонов языческих и дерзает спорить со Священным писанием.

И Анфимий остро вспомнил вдруг, как год тому княжич вдруг показал свой норов.

Они тогда как раз читали Книгу Бытия, и закончили описание Всемирного потопы, когда княжич, то и дело морщившийся, словно от какой-то неприятной или навязчивой мысли, вдруг сказал:

– Наставниче (Анфимий никак не мог добиться от Всеслава обращения «отче» – княжич каждый раз упрямо повторял, что его отца зовут Брячислав, а не Анфимий), дозвошь спросить? – и после молчаливого разрешения пресвитера спросил. – А зачем он их утопил?

– Не он, а Господь, – строго поправил пресвитер, хмурясь. – Как это зачем?! Ты же сам читал!

– Нет, это я понял... – Всеслав, однако же, упрямо мотнул головой. – Но всё ж...

– Что? – Анфимий, как мог, умерил гнев.

– Почему – всех?!

– Нууу... – протянул пресвитер, лихорадочно пытаясь отыскать ответ. Ну и вопросыки у этого дитяти! И тут же обругал себя – в книгу загляни, дурило! – А ну, глянь, что там про то написано!

Всеслав немедленно склонил голову к книге:

– И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своём. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их.

Княжич смолк, ошалело мотнул головой и снова вопросительно посмотрел на Анфимию.

– Что, опять не понял? – вновь построжал пресвитер. – Все мысли и помышления сердца их были зло ВО ВСЯКОЕ ВРЕМЯ. Вот за это и покарал господь...

– Всех? – переспросил Всеслав ошеломлённо.

– Да, всех, – кивнул пресвитер. – Опречь Ноя и его семьи. Они были праведники.

– А остальные...

– А остальные были грешники.

– Что, и дети? – неверяще спросил княжич. – И младенцы несмышлёные? Они ж тоже погибли в потопе. И скоты, и гады, и птицы... Их-то ЗА ЧТО?

Анфимий онемел. Он не знал, что ответить.

Не знал.

А Всеслав, меж тем, отложил писало и, подняв голову, сказал:

– Я переписал, наставниче.

– Ладно, – мягко ответил Анфимий. – Отдохни пока.

Да.

Тогда он так и не смог ответить княжичу, который своими словами смог посеять в нём сомнение (нет, нет! не смог! не может ребёнок такого!) в вере. И потом, когда урок закончился, и княжич вместе с холопом ушёл обратно в детинец, он, Анфимий долго молился, упрашивал господина наставить его на путь истинный, и внушить ему, как правильно ответить дитяти, как не отворотить его от лика господня.

Впрочем, на следующий день Всеслав уже не повторил своего вопроса, и он, Анфимий, вздохнул с облегчением, посчитав вопрос княжича за мгновенный каприз, о коем забывают на другой день. Недостойна была та радость, но он, пресвитер, ничего не мог тогда с собой

поделать. В конце концов, может, такова и была божья воля, о которой он умолял ночью – чтобы княжич забыл о том, что спрашивал.

И потом, когда они читали главу об истреблении Содома и Гоморры, как он боялся, что княжич снова спросит о том же. Но Всеслав смолчал, хотя и опять морщился во время чтения. Видимо, понял уже тогда, что ответа не будет, что он, Анфимий, не сможет ему ответить.

И не захотел унижать учителя.

А может и не так, – тут же возразил себе пресвитер. – Может, он теперь просто презирает меня.

А Всеслав вдруг спросил, не поднимая головы:

– Наставниче, дозволь спросить?

Сердце захолонуло. Как тогда! Опять, как тогда! Что же он спросит теперь?!

– Спрашивай, чадо.

– А какая вера самая правильная?

– Ты чего, чадо? – изумился Анфимий. – Наша, конечно. Православная!

– Значит, избранный народ это мы, русь?

– Почему? – непонимающе спросил Анфимий. – С чего ты взял?

– Ну как с чего? – в свою очередь удивился Всеслав. – Ведь мы же сами возжелали стать христианами, ты это мне сам говорил. Князь Владимир Святославич, мой прадед, он же даже воевал с Царьградом, чтобы окреститься! Ведь так! Значит, господь должен любить нас больше, чем остальных...

– Ты не прав, сыне, – покачал головой пресвитер и привычно усмехнулся, видя, как Всеслав привычно же дёрнулся, но смолчал на обращение «сыне». – «Избранный народ» означает совсем не то, что ты подумал. Оно значит, народ был избран господом, чтобы в нём родился человек, сын божий, пророк, который смертью своей искупит грехи всех людей.

– Значит, избранный народ – иудеи? – подавленно спросил Всеслав.

– Ну да.

– Но зачем тогда?

– Что – зачем? – опять не понял пресвитер. Этот мальчишка сведёт его в могилу!

– Зачем тогда мы крестились? – непонимающе ответил Всеслав. – Ведь если бог избрал иудеев, значит, и сын его – иудей. При чём тут мы? У нас своя вера была.

А все иные веры – они неверны. Ложные.

– Почему? Откуда это известно?

– Потому что так сказал бог, – раздражение в голосе всё-таки прорвалось наружу. – Моисею на горе Синай, когда избранному народу были дарованы скрижали с заповедями. Первая заповедь гласит...

– Я помню, – угрюмо бросил Всеслав. – Я бог твой, бог отцов твоих, да не будет у тебя никаких других богов кроме меня. Но ведь он это сказал иудеям! Не нам, руси!

– Иисус, учитель наш, погиб за грехи ВСЕХ людей, – сдерживая готовое прорваться раздражение, сказал пресвитер. Ей-богу, будь на месте этого мальчишки какой-нибудь посадский альбо боярич... пресвитер бы давно уже потребовал его высечь или епитимью какую наложил бы на него. Но Всеслав был княжич. Анфимий не боялся гнева Всеслава отца, нет. Он боялся иного. Боялся, что наказание окончательно отворотит упрямого мальчишку, и без того нетвёрдого в вере, от христианства в объятья языческих демонов, в нечестие. Тем более, он прекрасно помнил тот весенний день, когда родился этот настырный мальчишка. – Всех, понимаешь.

– Что, и мои?

– И твои.

– А откуда он узнал, что я – буду. И что у меня грехи будут. И какие они будут? Это ж тысячу лет назад было.

– Он искупил твои грехи заранее, – Анфимий сжал зубы. Мальчишка явно испытывал его терпение.

– Ну да, – в его голосе послышалось недоверие, смешанное с радостью. – Я что, теперь грешить могу невозбранно?

– Ты... – Анфимий задохнулся.

– А что? Раз мне все грехи отпущены...

Всеслав вдруг вскочил на ноги, отпрянул назад.

– Вон, – прохрипел Анфимий, садясь на лавку и рванув ворот подрясника. – Вон отсюда, демонское отродье!

3. Дреговская земля. Окрестности Менска Зима 1041 года

Зимой в лесу тихо. Особенно в таком дремучем, как в землях кривичей. Дремлют в морозном сне матёрые сосны и ели, закутались в снежные шубы и шапки. Застыли в неподвижности голые дубы и берёзы, вспоминая в тягучем и тоскливом зимнем сне буйную весну, жаркое лето и яркую тихую осень. Не скрипит снег, и только лёгкий ветерок иной раз качнёт верхушки деревьев, сбрасывая в сугроб снежные шапки. Выглянет сторожко зверь да и сгинет тут же – добычу искать альбо от рога прятаться.

Старый волк сторожил добычу – с утра лежал под огромной ёлкой, – только уши торчали из сугроба. Хоть и говорят, что волка ноги кормят, а только подкралась к старому охотнику неожиданная немочь, сил не хватает рыскать весь день. Вчера он приметил у тропки заячьи следы и теперь ждал.

Заяц выскочил на поляну неожиданно, остановился на середине, заме на миг, сторожко озираясь по сторонам. Волк начал было неслышно приподыматься, но тут заяц, заслыша что-то, стремительно метнулся в сторону, проскочил меж двух берёз и дал стрекача. Волк насторожился – теперь его ухо различало невдалеке какой-то неясный шум. Тот, что всегда сопровождал человека.

Волк беззвучно оскалился, приподняв верхнюю губу и показывая пожелтелые, но всё равно страшные клыки. Поднялся и неслышно канул в низкий разлтый ельник – теперь здесь зверья долго не дождёшься.

Удобные розвальни мчались по лесной дороге, подпрыгивая на ухабах и скользя на широких раскатах. Дробный топот коней дружины тонул в снегу, кони взбивали снег, разбрасывали в стороны. Изредка по реке слышался гул и тяжёлый треск, лёд словно чуть качался – ворочался, вздыхая во сне, речной хозяин.

В какую иную пору Всеслав скакал бы верхом – быстрее бы вышло. Да только перед тем, что ему ныне в Менске предстояло, лучше в дороге отдохнуть.

Звал Всеслава в Менск волхв Славимир. Зачем звал – неизвестно, да только князь, хоть и мальчишка мальчишкой, и сам догадывался. Не глупый.

Встреча с волхвом его не пугала. А чего пугать-то? Он, чать, не людоед, не упырь, волхв-то. Его, крещёного, не загрызёт. Да и не крепок в вере христианской княжич Всеслав, в церковь на аркане не затащишь. Отец, хоть и сам не крепче, а весь извздыхался.

Впрочем, про настроения Всеслава, опричь отца, пока что ведали в Полоцке всего двое-трое бояр, да с десяток гридней, которые и сами тайком старой веры держались. Ничего, рано или поздно всё изменится, – мрачно подумал Всеслав, кутаясь в тяжёлую медвежью полсть, – благо есть на кого опереться.

А отец ладит в Полоцке собор каменный строить, – сумрачно подзудил княжич сам себя. Софийский, стойно царьградскому, киевскому альбо новгородскому. Думает через то престол свой с киевским да новгородским уравнивать, вровень стать с Ярославом Владимировичем.

Всеслав криво усмехнулся, вспоминая слова наставника, гридня Бреня, который киевского князя почти ненавидел.

– Думает князь передолжить киян через постройку собора, – задумчиво говорил Брень, стругая ножом ветку и бросая стружки в огонь. Огонь трещал, стреляя угольками, разгонял ночную темноту.

– А ты сомневаешься, наставниче? – спросил удивлённо Всеслав. Он привык, что слово его отца было почти законом для большинства окружающих взрослых.

– Мысль хорошая, – усмехнулся гридень, переломил палку о колено и бросил в костёр обломки. – Вот только все эти побуждения ничего не стоят без ратной силы.

– У отца есть дружина... – несмело сказал Всеслав. Отчего-то эти слова вдруг показались ему донельзя глупыми.

– Этого мало, – покачал головой Брень. – Нужны ещё и союзники. Сильные друзья. Великое княжение надо добывать сообща.

– Думаешь, отцу нужно великое княжение? – Всеслав слегка удивился – вот уж о чём, о чём, а о великом престоле отец никогда и не упоминал вовсе.

– Вот это-то и плохо, что не нужно, – непонятно сказал Брень и замолк.

До Менска оставалось всего вёрст пять – виднелись уже на окоёме острые шатры веж и даже тонкие струйки дымов, тающие в сером зимнем небе – когда возница, по князьему велению, весело гикнув, сдержал разбег коней. Всеслав откинул полсть и встал на ноги, придерживаясь рукой за резной бортик саней.

На дороге, опираясь на длинный, даже на вид неподъёмный посох с причудливой резьбой, стоял старик в медвежьей шубе, и ветер свободно развеивал его седую бороду и такие же седые космы на непокрытой голове. Волхв?

Вои (он их и взял-то с собой немного, с десятков всего, чести ради) гарцевали около старика, ещё чуть – и толкнут конской грудью, а там и до греха недалеко. Кто сможет проклятье волхва снести? Если это только и впрямь волхв.

Всеслав строго окликнул воев:

– А ну, охолонь! Покинь, кому говорю!

Спрыгнул на снег, поправил на голове шапку и зашагал к старику. Вои расступились – слушали князя не в шутку, невзирая на его всего-то двенадцать лет. Подошёл на пару шагов всего и остановился – старик таял в воздухе. Сделал всего один неуловимый жест рукой, указывая в сторону ближнего леса. И пропал, как не было.

Недовольно и испуганно загомонили вои.

Всеслав кивком велел подать коня, не касаясь стремени, взлетел в седло. Велел хмурому Бреню, невзирая на его неодобрительный взгляд из-под косматых бровей:

– Вы двигайте в Менск, к деду, ждите там, на князем дворе, я скоро ворочусь. Несмеян, Витко! Поедете со мной!

Двое мальчишек, ровесников Всеслава, которых он взял с собой из Полоцка – рыжий, Несмеян, родившийся с княжичем в один день, и тёмно-русый Витко, сын Бреня-пестуна, стремительно переглянулись.

– Да, господине!

Всеслав поворотил коня и тронул к лесу по самой кабаржине, благо снега там было немного.

На опушке ждала воткнутая в снег пара широких лыж.

Одна пара.

– Хм, – сказал Всеслав весело. – Похоже, меня там ждут одного.

– Кня... – неосмотрительно заикнулся рыжий Несмеян, но княжич резко оборотился и одним взглядом заставил его умолкнуть.

– Один пойду, – ровным голосом сказал князь.

– Мы за лыжами успеем, – безнадежным голосом пробормотал Витко.

– Волхв меня одного ждёт, – веско повторил Всеслав. – Втроём пойдём – не дойдём. И обратно можем не воротиться. Заплутаем. Этого хочешь?

– Да ведь Брень-то воевода...

– Чего? – весело спросил князь, перекинул ногу через переднюю луку седла и соскользнул наземь. Примерился к лыжам и принялся крепить их прямо на зелёные сафьяновые сапоги.

– Прибьёт он нас и вся недолга.

– Не прибьёт, – хмыкнул Всеслав. – А и прибьёт, так не враз. А к тому времени я ворочусь.

Несмеян открыл рот, чтобы возразить ещё что-то.

– Я сказал – всё! – бросил не терпящим возражений голосом Всеслав и, не оглядываясь, заскользил по едва заметной лыжне вдоль опушки. Друзья уныло поглядели ему вслед, потом Несмеян поймал повод княжьего коня, и они двинули обратно к дороге, где всё ещё толпились вокруг княжьего возка вои.

Святылище возникло на пути внезапно – просто вдруг расступились тёмные разлапистые ели, открыв широкую, заросшую багульником заснеженную поляну. Высились резные столбы капей, высокая деревянная хоромина под двускатной кровлей, с медвежьим черепом на князьке, обнесённая высоким тыном, притаилась под снежной шапкой, небольшими окошками, хмуро насупясь, глядела на пришлецов.

И подымался позади них небольшой, но изящный терем, рубленный из смолистой сосны. Пылали в ямах вокруг капища огромные костры – невзирая на зиму, огонь стоял высоко.

Всеслав невольно остановился – по его подсчёту, прошёл он не более десяти вёрст – солнце едва начинало клониться к закату.

В отворённых воротах стоял старик – тот самый волхв, которого князь видел на дороге.

Старик подошёл вплотную и Всеслав увидел, что он не так уж и стар – за полвека перевавило, это, пожалуй, верно, но не больше. И по посоху, по ожерелью из медвежьих клыков, по твёрдому и холодному взгляду зеленовато-серых глаз Всеслав понял – да, волхв.

– Гой еси, княже, – старик чуть заметно наклонил голову – волхвы не кланяются княжьей власти. Это князь должен кланяться волхвам и порукой тому – судьба Вещего Ольга.

– И тебе поздорову... волхве.

– Умён, – негромко проворчал волхв, ожёг Всеслава взглядом. – Пошли, что ль?

Огромная хоромина с двускатной кровлей возносилась мало не на три сажени ввысь, стены покрывала затейливая резьба – дивные птицы, звери, цветы, тайные старинные узоры-резь, молящие богов о силе, плодородии, правде. Низкая дверь в храм была открыта, изнутри полумраком дышала тайна. Всеслав нагнулся, входя, и свободно распрямился внутри. Сдёрнул с головы шапку.

Из полумрака сурово глядели лики древних богов славянского племени.

Дажьбог-Хорс, Царь-Солнце, Податель Благ.

Перун-Сварог, Повелитель Грозы, Владыка Воинов, Отец Небо.

Ярила, вечно молодой Зелёный Всадник.

Стрый-бог Велес, Отец Ветров, Исток Дорог, Владыка Зверья.

И Мокошь, Мать Наполненных Коробов.

Волхв остановился, несколько времени думал, опустив голову. Поворотил голову к княжичу.

– Крещён ли, Всеславе?

– Да! – мальчишка чуть потупился, но тут же поднял голову, прямо и честно глядя в лики Владык. В нём нет лжи – пусть видят боги, что он не отрекался от них. Помедлил несколько мгновений, и вдруг само собой пришло осознание того, ЧТО нужно сделать.

Княжич рванул с шеи серебряную цепочку и, опустясь на колено, положил к подножию капи.

– Там крест твой, Всеславе, – всё так же тихо сказал волхв.

– Жертва принесена, – решительно и так же тихо ответил Всеслав. На душе слегка захолонуло от собственной решимости – он понимал, что обратной дороги уже не будет.

Стукнула дверь, ушёл волхв, оставив княжича в хороминах одного. Всеслав задумчиво шёл мимо капов, стоящих полумесяцем, вглядываясь в резные деревянные лики. Что-то древнее, невыразимо сильное глядело на него из глаз богов. Не доброе и не злое. Предвечное. Бывшее всегда, даже тогда, когда ещё не было и людей.

– Наставьте меня, Владыки, – сам незаметно для себя прошептал Всеслав. – Было ли отцу знамение? Должен ли я в чём-то исполнить вашу волю?

Кто ж с богами говорит без жертвы, – тут же укорил он сам себя. Но что пожертвовать? Меч разве что...

Всеслав замер на миг, пристально глядя на божьи лики. Решительно вытянул нож, кольнул себя в запястье. Что может быть лучшей жертвой, чем человеческая кровь, да ещё и княжья? Только человеческая жизнь.

Кровь тонкой струйкой канула на землю у подножия капи. Княжья кровь, кровь потомка Дажьбога.

Княжич щедро окропил рудой подножье каждой капи, завязал руку, отошёл в угол против Владык. Сел, привалился к стене.

Ему предстояла долгая зимняя ночь в храме. Княжич повозился, устраиваясь поудобнее, завернулся в полушубок.

Скоро на него навалилось странное полузабытьё. Всеслав грезил наяву, видел ясно, словно днём, внутренности храма, и вместе с тем унёсся куда-то в неведимые края.

Клубы тёмного тумана, подёрнутые серебром, разошлись, открывая прогал в густом сосняке. Широкая утоптанная тропа, пересекая сосняк, выходила к пологому речному берегу, за которым высились гранитные обрывы гор, заснеженные вершины упирались в ярко-лазурное небо. Туман клочьями и клубами оседал между сосновых стволов, растекаясь киселём опричь просеки.

ЗДЕСЬ было лето.

И он сам был одет по-летнему, без тёплого полушубка и шапки.

Всеслав сделал несколько шагов по тропе, невольно остановился, пытаясь понять, ГДЕ это он находится.

– Не робей, княже.

Голос был откуда-то знаком. Всеслав вслушался, пытаясь понять, уловить знакомое, но оно ускользало, уходило. Он оборотился, но не увидел никого, кто мог бы сказать эти слова.

Что-то шевельнулось в чаще, за сосновыми стволами, князь напрягся, пытаясь разглядеть, но увидел только что-то неразборчивое в тумане.

– Ты кто? – Всеслав не боялся – понимал откуда-то, что здесь не может быть ничего опасного или страшного.

В тумане послышался смех.

– Неужто не признал, княже Всеслав Брячиславич?

Проступило вдруг из тумана что страшное и притягательное одновременно, мешались в нём черты человека и медведя, змея и быка. Проступило и тут же пропало. И Всеслав тут же вспомнил про стоящие в храме лики.

Велес.

– Ты, господине? – неверяще обронил он, шагая навстречь голосу.

Снова послышался смех – густой, басовитый, больше сходный с медвежьим рычанием.

– Признал всё же, – одобрительно прогудел голос. Всеслав его всё ж признал – голос был похож на Славимиров.

– Господине, – моляще сказал князь, делая ещё шаг – туман заколебался, редая, в нём смутно возник кто-то огромный, космато-рогатый, зажглись тускло-рдяным огнём глаза. – Наставь, господине!

– Чего ты хочешь, княже? – голос гулко рокотал, отдаваясь в ушах и меж деревьев.

– Скажи, господине, избран ли я?

– Каждый человек избран, – возразил огромный, космато-рогатый. – Каждому человеку суждено сделать что-то... а уж сделает он это или нет...

Всеслав склонил голову, принимая наставление.

– Господине Велес, – князь решился всё же вымолвить назвище. – ЧТО суждено сделать мне?

– Ты знаешь, – голос вновь гулко раскатился по поляне.

– Но господине!.. – возразил княжич.

– Ты знаешь, – повторил голос. – Слушай своё сердце.

Туман снова начал медленно стучаться.

Очнулся князь оттого, что его осторожно потрясли за плечо. Поднял голову – в глаза ему смотрели глаза волхва. А за отворённой дверью вставало хмурое зимнее утро.

– Пора, княже.

Да, пора.

Волхв не спрашивал о том, что видел и слышал князь. И Всеслав тоже молчал – слова были не нужны.

Молча вдвёл ноги в петли на лыжах, молча заскользил к воротам. И уже в воротах князя настиг орлий крик из вышины – словно окликнул кто-то. Всеслав остановил коня и оборотился.

И увидел.

В небе над храмом всего на несколько мгновений вдруг протаяли пять громадных полупрозрачных ликов. Длинноволосый старец – из-под густых косматых бровей и перехваченных гайтаном на лбу волос безотрывно глядят синие глаза с золотыми искрами. Сероглазый длинноусый витязь с чупруном на бритой голове и жёсткой складкой у рта. Молодой золотоволосый муж с лучистыми глазами в зелёном венке на голове. Косматый охотник с рдяными глазами на лице, неуловимо переходящем в рогатую медвежью морду. И русоволосая женщина, прекрасная красотой средних лет, неброской, но – глаз не отвести.

Грянул и раскатился в отдалении удар грома – зимой! – качнулся воздух, овеял лёгким ветром княжье лицо.

– Вот и ответили тебе, княже, – негромко сказал рядом Славимир. Помолчал и добавил. – Жду тебя через две седмицы... погости у деда, отдохни... а потом и за науку возьмёмся.

Всеслав всё так же молча кивнул.

Он сюда воротится. И воротится не раз.

4. Дреговская земля. Окрестности Менска

Лето 1042 года, изок

За окном залиvistо пел соловей. Рассыпал коленца, прищёлкивал, и выдохшись, на мгновение замолкал. Набирал полную грудь воздуха и снова начинал сыпать и выводить переливы.

Всеслав вздохнул и открыл глаза. Спать всё равно долго не получится – не заведено в дедовом терему спать подолгу. Рано встают холопы и ключник, но ещё раньше должен встать хозяин, таков обычай. Да и везде на Руси, пожалуй, так.

На Руси, да...

Княжич не сумел сдержать усмешку. Даже в Полоцке частенько обижаются, когда говоришь про город и княжество «на Руси», а уж тут, в глубине дреговских земель, где руси и не бывало никогда, где даже не слышали, что такое дань для Киева... тут себя никогда и не считали ни русью, ни Русью.

Из оставленного на ночь отволочённым окна тянуло сыростью, длинная ветка яблони просунула в окно гибкий побег, и на пол неё накапала роса. Теремная холопка, которая следила за порядком во Всеславлих покоях («покоях», да) сначала бурчала и пыталась заволакивать на ночь окно, но Всеслав каждый раз отворял его снова. Тогда она попробовала объяснить княжичу, что через отволочённое окно в хоромину могут забраться нечистые духи – межа, дескать, нарушена, но Всеслав незаботно ответил, что он, дескать, потомок самого Велеса, и беспокоиться не о чем, любой нечистый дух при виде его сам убежит неведомо куда. Холопка в ответ только поворчала про слишком умную молодёжь, но окно затворять на ночь перестала.

Да, Менск – это не Полоцк, – усмехнулся Всеслав, по-прежнему лёжа на мягких шкурах. – Тут про Велеса говорить в княжьем терему – в порядке вещей, тут нет ни единого черноризца, как в Полоцке. Там они, вестимо, тоже не кишат, но Всеслав ясно помнил, какие лица были в терему на каждом шагу, когда он в первый раз заявил, что уезжает в Менск учиться у волхва. Пресвитер Анфимий так тот даже стороной его обходить начал и мало не крестился в присутствии княжича. Но Всеславу на это было наплевать – для него главным было то, что его слова не оскорбили отца, князя Брячислава. Тот как раз всё понял и принял, только усмехнулся и покачал головой, словно что-то вспомнив.

А мать... матери не было в живых уже десять лет, с самого рождения младшей сестры, Бериславы. Отец долго не женился вновь, хоть ему намекали и бояре, и гридни, и даже епископ, что «без хозяйки, мол, дом – сирота». Да и старшие сёстры Всеслава, Станислава и Мировита, тоже намекали не раз. И только три года назад, вскоре после замужества Станиславы, отец всё ж решился жениться на Альдоне, дочери знатного боярского рода Неринжичей, из потомков голяди, которые уже и позабыли и язык свой, и даже племенное назвище, кривичами прозвались, как и другие роды основателей Полоцка, хоть Мирославичей возьми, хоть Судимиричей. И только имена в роду по-прежнему держались старые.

Всеслав не был против.

Отец его и не спрашивал. Княжич был согласен, что в дому нужна хозяйка, хотя с этим, по его мнению, и так неплохо справлялась его вторая сестра, Мировита. Мировиту, впрочем, тоже ждало замужество, и уже скоро. А то, что отцу, помимо хозяйских дел, надобно от женщин и что-то ещё, Всеслав понимал. И мачеха не была злой, вовсе нет.

И вовсе не женитьбы отца погнала его в Менск, как шептались по углам досужие кумушки в полоцком терему (Всеслав иной раз, слышав эти шёпотки, темнел лицом и обещал себе, что разгонит весь этот девичник, как только сам станет князем – и вместе с тем понимал, что нет, не разгонит). В конце концов, ко времени отцовой женитьбы он уже два года жил не в отцовом терему, а у пестуна Бреня Военежича, который свою хоромину построил и не в детинце даже, а сразу за его воротами. Почему – этого, пожалуй, и сам Брень не смог бы объяснить.

Так или не так, а только вот уже два года он, Всеслав, проводит четыре месяца в году (один месяц весной, один – летом, один – осенью, и один – зимой) не в Полоцке, а в Менске, у деда, дреговского князя Грозовита. А вернее-то сказать, в дедовом терему его тоже видят только утром рано да вечером поздно, да ещё когда спит. И то не каждый день. Днями Всеслав пропадал за городом в лесах, на капище у волхва Славимира.

Всеслав сладко потянулся, рывком сбросил с себя суконное одеяло (не навык к роскошествам полоцкий княжич) и сел на постели. И почти тут же, опрытно стукнув в дверь, в покой просунулся холоп, привезённый им из Полоцка, Умко.

– Господине, князь Грозовит Вячеславич спрашивает, придёшь ли ты к утренней выти.

– Скажи, приду, – не оборачиваясь, бросил Всеслав. – Сейчас буду.

Холоп с поклоном исчез, оставив у княжича чувство непонятной досады от своей угодливости, словно Умко каждый раз вместо слов его елеем мазал. «Видно, и вправду бывают рабы от рождения, – подумал Всеслав про него однажды. – По норову своему рабы, только недосмотром богов родившиеся в свободной семье. И только потом, когда они на самом деле попадают в рабство, боги исправляют свою оплошку».

Такие мысли для Всеслава были внове ещё год тому – он помнил, как внушал ему пресвитер Анфимий, что бог один, что он всемогущ, вездесущ и всеведущ, а значит, и ошибаться не может.

Сколько времени надо тринадцатилетнему мальчишке, чтобы одеться поутру? Раз – впрыгнуть в порты, два – набросить рубаху, три – затянуть гашник, четыре – прошлёпать босыми ногами к рукомою в углу, пять – умыться, шесть – наскоро причесать буйные, хоть и стриженные в кружок, вихры, семь – сунуть ноги в поршни, одновременно затягивая на стане кожаный пояс. Дольше всего – завязать шнурки на поршнях. Всеслав с большим удовольствием вышел бы к столу и без пояса, и босиком, но он уже давно от таких замашек отвык. «Ты – князь, – строго сказал ему отец однажды. – Ты пример для своих людей во всём, и потому не можешь выглядеть неряшливо. Никогда».

Ну вот вроде бы и всё. Всеслав одёрнул подол рубахи, расправил складки под поясом, поправил пряжку и висящие рядом с ней ножны с ножом, и бросился в дверь.

Дед уже ждал его за столом.

Всеслав быстро поклонился, весело покосился на деда, тот ответил притворно суровым взглядом из-под косматых седых бровей и кивком указал на стол – садись, мол. Лишних слов тратить менский князь Грозовит не любил, чаще обходился жестами.

Утренняя выть дреговского князя была проста и вместе с тем, изысканна. Вяленая лосятина, вчерашняя разварная осетрина под тёртым хреном, чёрный хлеб, варёные в меду лесные орехи, холодное топлёное молоко и свежеиспечённые творожные ватрушки. Всеслав быстро жевал, крупно глотая и запивая молоком, и успевая ответить на короткие дедовы вопросы:

– Опять в лес?

– А то куда ж? – внук крупно сглотнул, помахал в воздухе рукой, словно собираясь указать на что-то отсюда невидимое и такое, о чём он и сам толком не знал, где оно находится. – Ждут там...

– Ну-ну, – Грозовит покивал, глядя на уписывающего за обе щеки мальчишку, невольно заражаясь его жизнелюбием и страстью к действию. Отпил крупный глоток. – Воротишься опять в сумерках?

– Не знаю, дедо, – с искренним сожалением ответил княжич. – Смогу, так и раньше, а нет – нет. Учение есть учение.

– Хм, учение, да, – проворчал князь. Подумал и спросил. – И чему ж тебя там учит владыка Славмир?

– Разному учит, – повёл плечом Всеслав. – В прошлый раз учил по высоте вешней воды распознавать, сколько в лесах зверья родится, вчера – по птичьим крикам и полёту узнать, когда буря будет...

– Ну и когда?

– Чего? – не враз понял княжич, а когда дошло, рассмеялся. – Не будет пока.

– Ладно, ступай, – кивнул Грозовит, заметив, что на столе перед внуком осталась только пустая посуда. – Иди.

Всеслав ушёл, а Грозовит остался один в горнице, улыбаясь неведомо чему.

Жена князя Грозовита умерла давно, а вторично жениться он не захотел – не до того казалось. Да и не было тогда oprичь равных ему некрещёных невест, а крещёную навряд ли кто отдал бы за язычника. На боярышне же он жениться не захотел, хоть и не осуждал зятя Брячислава, который женился-таки на Альдоне. Пусть.

Старший Грозовитов сын Мстислав погиб двадцать лет тому на Судоме, где сражался вместе с Брячиславом против новгородцев и киян. Средний, Станислав, умер от трясовицы (провалился на масленицу в прорубь и простыл), не успев жениться (пятнадцать лет было мальчишке). А младшего, Мстивою, в прошлом году на охоте порвал вепрь – не уследили доезжачие. Был внук, Ярополк Мстиславич, но и тот не зажил на свете, умер от неведомой болезни на следующий год после гибели отца. И старел теперь в одиночестве Грозовит в огромном менском терему, ждал достойного конца. А наследников у Грозовита было только два: один внук – Всеслав в Полоцке, а другой, Ратьслав, от младшей дочери, Любочады – в Гомии, у радимичей. И кому из них достанется престол после его смерти – Грозовит не знал.

Но приезды внуков (Всеслав бывал в Менске гораздо чаще радимича) изрядно-таки скрашивали Грозовитово одиночество.

Всеслав выскочил на высокое крыльцо, не тратя времени на ступеньки, махнул прямо через балясник и приземлился в пыльную траву в крыльца. И метнулся через двор к конюшне, откуда уже доносилось ржание – Воронок чуял хозяина издалека.

Внутри конюшни Всеслав отметил краем глаза метнувшуюся в угол под топот копыт небольшую тень, маловатую даже для жеребёнка. Глянул внимательнее, но не увидел уже ничего, только взвихрилась сенная труха, взметнутая вверх согласным ударом копыт. Протёр глаза – никого. Ошалело помотав головой, Всеслав вдруг понял – вазила, хозяин конюшни. Скрылся. Не любит потаённый народец людям показываться.

Выведя коня из стойла, Всеслав наткнулся на холопа. Умко жалобно глянул на хозяина, который был младше него лет на пять, но княжич не снизошёл:

– Собирайся. Твой конь уже готов. Со мной поедешь.

Холоп только тяжело вздохнул. Ему смерть как не хотелось тащиться с княжичем в дреговскую дебрь, тем паче, что ничего любопытного его там не ждало – пока Всеслав проводил время с волхвом Славимиром, ему, Умко, приходилось работать в лесу около капища – колоть дрова, расчищать дорожки, ведущие к святилищу... да мало ль работы могли придумать волхвы?

– Не вздыхай, – хмуро бросил ему Всеслав. – А не то здесь оставлю, а Крень тебе живо занятие сыщёт.

Ключник Грозовита Крень и впрямь обладал редким даром – он словно нюхом чуял бездельничающую челядь и тут же мог придумать для них работу, самую невероятную. Умко опять вздохнул, ещё более обречённо, и тоже нырнул в конюшню – встреча с Кренем его страшила, видимо, больше, чем работа на волхвов. Всеслав с трудом сдержал пренебрежительную усмешку – нерасчётливый должник, Умко погнался за красивой жизнью, залез в долги, на резах

издержался² и попал в полные холопы, в обели. Всеславу его не было жаль. Думать надо, когда в долги лезешь.

– Вазилу в конюшне не видел? – спросил Всеслав, когда они выехали за ворота детинца.

– Кого? – ошалело спросил Умко, и княжич только махнул рукой. Ничего-то он не видит вокруг...

С берёзы на тесовую кровлю храмины осыпались пожелтевшие серёжки, скатывались вниз и падали в траву, обрываясь со свеса кровли. Падали и на вкопанную у стены лавку, одна или две упали на рубаху Всеслава, третья канула прямо за ворот, но княжич не шевельнулся, заворожено слушая голос волхва.

Голос Славимира журчал ровно без перепадов, словно лесной ручей. Бывает такой ручеек разгонится по пологому ложу, налетит на могучий корень дерева, и журчит небольшой бурун днями и ночами. Так и голос сказителя...

«Долго терпел Тугарин-витязь, а только не вытерпел, – как только Белая Лебедь Мара Моревна уехала, тотчас бросился в подвалы каменные, отворил двери дубовые, глянул – а там змей о двенадцати головах, о двенадцати хоботах на железных крюках висит, из его ран кровь течёт».

Где-то в лесу раздавались удары тупицы – колол дрова Умко, выполнял ежедневный урок. С самого начала обучения Славимир оповестил княжича, что тот должен в святилище делать всё сам, без помощи слуг. Но правила вежества и княжьи обычаи требовали, чтобы княжича сопровождал слуга («Сам же ты, владыко, говорил, что обычай сильнее богов даже!»), поэтому и пришлось Умко трудиться для нужд святилища. А дров волхвам надо было много...

«Кощей домой ворочается, конь под ним спотыкается. „Что ты, волчья сыть, кляча несытая, спотыкаешься? Или какую беду-невзгону чуешь во дворце моём?“ – „Витязь Тугарин приезжал, Мару Моревну увёз в своё царство-государство“. – „А можно ль их догнать?“ – „Если сейчас поедem, то авось и догоним, у него конь – мой младший брат!“. Погнал Чёрный Кощей вслед за витязем, вот-вот нагонит. Говорит тут конь Тугарина Кощееву коню таковы слова: „Ах, брат, для чего ж ты служишь такому нечистому чудищу? Сбрось его наземь, да и ударь копытом!“. Конь послушался, сбросил Кощея, а конь Тугарина-витязя ударил со всего размаху копытом Кощея Бессмертного и размозил ему голову».

Всеслав несколько мгновений помолчал, подавленный услышанным.

– Неужели тебе не доводилось слышать этого раньше? – удивлённо спросил Славимир, шевельнув густыми кустистыми бровями. В этот миг он почему-то невероятно был похож на деда, князя Грозовита, хотя на первый взгляд казалось, что они вовсе и не схожи. Славимир высокий и худой, Грозовит – коренастый, Славимир спокоен, Грозовит о сю пору порывист, хоть ему уже и на восьмой десяток никак поворотило. Вот только порывистости той хватало сейчас ненадолго – годы всё ж брали своё. Чем же схожи? Седина, властность в осанке и взгляде, и какой-то одинаковый побыт держать себя, государский, что ли?

Иной раз княжич начинал подозревать, что они, Грозовит и Славимир – братья, только один стал волхвом, а другой остался княжичем. Когда-то давно, когда в Киеве ещё правил прадед Владимир Святославич, а в Полоцке – дед Изяслав с бабкой Гостивитой. Молодые.

– Доводилось, – нехотя ответил Всеслав. – Бабка Гостивита рассказывала... но не так... не знаю как сказать. Проще, что ли...

– Проще, – задумчиво кивнул волхв. – Всё верно, проще. Кошуну таковы – то, что попроще, знают многие... баснями зовут. А сами кошуну знают волхвы...

Всеслав поднял голову, поражённый неожиданной мыслью:

– Владыко! Но почему бы их не записать?!

– Что? – не понял Славимир.

² На резах издержался – не смог выплатить проценты по долгу.

– Ну как что? – Всеслав даже заёрзал на лавке, до того ему захотелось объяснить волхву замечательную вещь, до которой он додумался. – Кошуну записать! На бересту, а то – харатью!

– Зачем? – в голосе Славимира прорезался холодок, словно ученик предлагал ему что-то непристойное или преступное.

– Ну как зачем?! Ну вот смотри... ты их помнишь наизусть... ученики твои – тоже... так?

– Ну – так, – косматая голова качнулась, вспыхнули искорки солнца на седине.

– Ну а если они что забудут? Искажут? Не смогут передать дальше, погибнут? Ведь люди не будут этого знать! А если записать...

– А если записать, то враги смогут эти записи сжечь, – тем же тоном продолжил волхв. – Опасность тоже есть...

– Но записи можно спрятать, скрыть, их не исказишь! – не отступил Всеслав. – Создать книгу священную, как у христиан! Почему нет?!

– Нельзя, – покачал головой волхв. Холодок из его голоса исчез, он понял, что ученик задумал не непристойность какую, а искренне хочет помочь.

– П... почему? – ошалело спросил Всеслав.

– Боги заповедали, – коротко ответил волхв.

Княжич несколько мгновений молчал, потом вдруг спросил, подымая глаза:

– Обычай?

– Обычай, – кивнул Славимир, и его прищуренные глаза подобрели. – Ты, должно быть, уже заметил, Всеславе, что обычай – это надмирная сила, его не только волхвы albo князья слушаются, ему даже боги подвластны.

– Заметил, – прошептал Всеслав, опуская глаза.

– Вот так и тут, – Славимир не отводил от него взгляда. – Обычай запрещает записывать кошуну. Только от человека к человеку. Это уже закон, и его не пересилить.

Всеслав молчал, не подымая глаз. И волхв почувствовал вдруг, что ученик впервые с ним не согласен.

Ну что ж... может быть, пришло иное время...

ПОВЕСТЬ ПЕРВАЯ ВОЛЧЬЕ МОРЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. В ДЕБРЯХ

1. Кривская земля. Гориславль³. Весна 1066 года, травень

Расписная лодья высоко задрала выгнутый нос, украшенный сверху резной конской головой с крупными оскаленными зубами. Носовое бревно резало низкие двинские волны, медленно надвигаясь на вымол.

Всеслав Брячиславич покосился на замерших рядом воев, ухватил взглядом невозмутимое лицо рыжего Несмеяна, чуть заметно усмехнулся – и впрямь, в диковину такое пока что в полоцкой земле, такое посольство встречать. Перевёл взгляд в другую сторону – всего в полусажени от него, чуть впереди, стоял сам владыка Славимир (дело ныне Славимирово, не его, княжье). Волхв сумрачно поблёскивал глазами из-под низких косматых бровей, в густой бороде едва заметно шевелились губы, словно Славимир что-то шептал. А может и правда шептал что, Всеслав вслушиваться не стал – у волхвов свои тайны и свои разговоры. Мало ли, может, молится волхв.

Несмеян же и впрямь был невозмутим. Ну, посольство, ну, волхвы. Ну, из Арконы. Впрочем, о том, что в посольстве именно волхвы и именно из Арконы, во всей дружине Всеслава знали пока что только немногие – всего с десятков из полусотни доверенных людей, которых князь взял с собой в Гориславль. А ещё полторы сотни воев рассыпались по окрестным лесам, остерегая город от внезапного нападения, вражьего лазутчика либо ещё какой внезапной напасти.

В лесу сейчас неуютно, – мельком подумал Несмеян. Он живо представил, как тянет из оврагов холодом и сыростью, ноги скользят по ковру из прошлогодней прелой листвы с островками грязного зернистого снега. Ни тебе присесть, ни прилечь, ни спрятаться толком. Поневоле порадуешься, что князь с собой в город взял. Хотя будь сейчас княжья воля, Несмеян бы и в леса пошёл вместе с дозорными, слова бы не возразил – надо так надо.

Лодья, меж тем, мягко ударилась бортом о вымол, с носовой и кормовой палубы упали чалки. С борта упруго прыгнули два воя, ухватили чалки, потащили в стороны, вывязывая на ходу петли. Следом за ними с борта медленно спустилась на вымол сходня, сколоченная из двух толстых досок. Такая сходня, коль надо, и груз тяжёлый выдержит, хоть пару воев в полном вооружении, хоть бочку неподъёмную с рыбой либо ворванью.

Однако ни двух воев, ни бочек на сходне не было.

Через борт по сходне шагнул высокий старик в длинном белом плаще, остановился на миг, окидывая взглядом берег и вымол, а заодно и городские стены. Длинная седая борода, с которой сливались такие же усы, седые волосы, выбившись из-под шапки, падали на плечи. Несмеян отчётливо различал потемневшую от старости в коричневых пятнах кожу рук старика, но пальцы с узловатыми суставами цепко, совсем не по-стариковски держали тяжёлый резной дубец.

³ Сейчас город Краслава в Латвии.

Несмеян на мгновение встретился со стариком глазами, и гридня пробрал мороз – из глаз волхва (а это был волхв, вестимо) смотрела какая-то древняя предвечная сила, та, что иной раз осеняла своим присутствием и полоцкого князя (и в такие мгновения полоцкие гридни и вои благоговейно замирали, не зная, чего ждать от своего господина).

В следующий миг волхв двинулся вниз по сходне, а навстречу ему уже спешил владыка Славимир. Впрочем, в походке витебского волхва не было ни малейшего подобострастия – младший встречал старшего, только и всего. Князь Всеслав шёл к сходням следом за волхвом, почти рядом с ним, отставая на полшага, на четверть шага даже – послы приехали всё-таки не совсем к нему, скорее к Славимиру.

Над Двиной висел промозглый холодный весенний вечер. Мальчишки возились около прибрежного шалаша, сложенного ещё в прошлом году. За зиму листья на ветках, из которых они сложили шалаш, повяли и опали, и в настиле тут и там просвечивали немаленькие дыры.

Старший из мальчишек несколько времени рассматривал месиво из голых веток и остатков прошлогодней листвы, которое ещё год назад было шалашом, потом вздохнул и поворотился к младшим (они растерянно глядели на него, не зная, что сказать):

– Ну чего встали? Хотите ночевать в тепле – схватили топоры и пошли рубить лапник. Ночь будет холодной.

Младшие мгновенно воспряли (нашлось дело – и растерянность прошла) и, схватив один – топор, другой – нож, пошли к ближнему ельнику, подталкивая друг друга, чтоб не показало, что они боятся, и старший друг не начал их презирать. А он, проводив их насмешливым взглядом, принялся обрывать с шалаша гнилые листья и выгребать мусор, увеличивая дыры ещё больше.

Младшие воротились скоро, приволокли груды нарубленного лапника, тут же бросились помогать, и скоро шалаш опять выглядел красиво, там и сям зеленея свежими заплатками. Настелили лапник и на землю – ночи и ещё впрямь холодные, хоть уже и начало травеня.

– А не рановато мы на рыбалку пошли, Завид? – дрогнувшим голосом спросил один, видимо представив, как будет дрожать и ёжиться от холода ночью. Поймал свирепый взгляд Завида и тут же торопливо добавил. – Рыба-то наверное плохо клюёт ещё...

– Рыба хорошо клюёт круглый год, – насмешливо отверг Завид, и младший съёжился. Второй откровенно зубоскалил над ним. – Ты бы, Полюде, чем болтать, лучше костёр развёл. А то холодновато что-то.

Ну конечно, старшему-то можно и признать, что холодно! Попробовал бы он, Полюд, вякнуть, что холодно. Или Ярko. Им бы такое «холодно» было, что в жизни бы никогда никакого «холодно» больше не сказали.

Ворча таким образом, Полюд драл берёсту, помогая себе ножом, и слыша как рядом Ярko ломает сушняк. Что за их спинами делал в это время Завид, они не видели.

Клевало и впрямь хорошо.

Лески из конского волоса, можжевеловые, обожжённые на костре, и костяные крючки, хлебная наживка. Клевало хорошо. Окунь, плотва и лещ. Густера и голавль. Чехонь, жерех и карась. Мальчишки молча и сосредоточенно таскали рыбу, то и дело ревниво косясь друг на друга. Когда начало смеркаться, Завид первым смотал удочку и поднялся.

– Хорош. Разжигайте костёр. С утра половим ещё.

От костра одуряющее пахло печёной рыбой. Мальчишки глотали слюнки, следя за тем, как доходят на рдеющих углях караси и густера. Тёк обычный для таких случаев разговор.

– А вот я слышал, в городе крючки железные делают, – мечтательно сказал Полюд. – На такой, небось, и ловить-то лучше.

– Ага, я тоже слышал, – Ярko повозился на лапнике, его лицо неровно освещало пламя костра. – Болтают, что где-то на хуторах у кого-то такой крючок есть. Шуку бы на него поймать либо налива...

– Пустое, – холодно бросил Завид, шевеля палкой угли. – Что, рыба на железный крючок сама клонет, без наживки? И на костяной неплохо поймается.

– Железный бóльшую рыбу выдержит, – не согласился Полюд. – Щука или налим...

– Болтай, – оборвал его Завид, бросая палку. – А ты не помнишь, как я осенью щуку поймал на можжевельник? Без железного крючка обошёлся, вытащил. Ишь, выдумали, оцел на рыболовные крючки переводить. Ещё бы заборы городить из железа взялись!

Завид кипел – видимо, вспомнил, как они с отцом-ковалём каждую весну копали на боло-тах руду и с какими трудами плавил из неё уклад.

– А если та щука из стада самого Речного Царя? – упрямо спросил Ярко. – Они ж огром-ные! Таковую кость или можжевельник не выдержит.

– Ну разве что, – остывая, пробормотал Завид.

Помолчали несколько мгновений, потом Полюд вдруг спросил:

– А что за лодья с низовьев бежала? Красивая такая, расписная?

– Кто ж его знает, – равнодушно отозвался Завид. – Морская. У нас таких нет, у шелонян тоже. У корси разве что. Но говорили на ней вроде как по-словенски. Может, с Руяна откуда-нибудь либо из Винеты.

От этих названий повеяло чем-то странным – словно бы морем запахло у речного костра, что-то шевельнулось в груди, напоминая о дальних, невиданных странах. Винета, Руян... Аркона. Бирка, Хедебю...

Завид вновь взял палку, шевельнул угли и выкатил из них обуглившегося жереха.

– Доспела рыба, парни, налетай.

В гриднице – холодно. Вечерняя прохлада сочится из-под прикрытых ставней, ползёт по полу, пробирая сквозь порты и рубахи.

Всеслав, как хозяин, сидит в голове стола, опершись на Божью Ладонь локтями и хмуро оглядывая собравшихся. Гридница Гориславля невелика, да и нужна ль она большая в межевом городце, да ещё там, где за межой – дружественные шелоняне? Однако места хватало – благо и народу собралось немного.

Княж пестун, воевода Брень глядит на всех равнодушно, и только иногда начинал хмуриться и щипать седой ус – мало ли чего там волхвы о себе думают. И мало ли чего надумают. Им, вестимо, виднее, да только не всегда им нужно то же, что князю.

Волхв Славимир... кабы не нелюбовь воеводы к громким и красивым словесам, он ска-зал бы, что Славимир светится. Ну да его можно понять – такие гости в кривскую землю не каж-дый день бывают.

Волхв Годовит из Арконы, посланец великого волхва Святобора, теребит пальцами рез-ной дубец, то и дело приподымая косматую бровь и взглядывая на князя и воеводу.

Волхв Велемысл из Радигоста, ещё молодой, не старше пятого десятка – для волхва моло-дой, вестимо, долог срок обучения волхвов. Глядит, усмехаясь, ждёт, задумчиво поигрывая кончиком длинной полуседой бороды.

И чуть в стороне от них – осунувшийся худой середович с полуседыми волосами, усами и бородой и глазами цвета голубого пламени. Свей. Дагфинн-годи из Двора богов в Уппсале.

Такого количества служителей богов полоцкая земля ещё не видела со времён самого Боя. Да и в его времена, наверное, не видела.

– Чего же вы от меня хотите, волхвы? – поднял голову Всеслав. – Ратной помощи? Так у меня война с Ярославичами на носу, вот пути просохнут только – и вот они, тут как тут. Каждый вой на счету будет, куда мне ещё их отсылать за море, в Аркону либо Сигтуну?

– И того не нужно, Всеслав Брючиславич, – отверг Годовит, пристукнув по полу тяжёлым дубцом. – Нет, не нужно. Людей у нас и своих достанет, и злата-серебра вдосыть. И ярости накопилось за годы. И оружие найдётся. От тебя иная помощь нужна!

– И какая же? – князь удивлённо поднял брови.

– Ты – потомок Велеса. За тобой люди пойдут, и здесь, на Руси, и среди литвы даже. И если мы будем знать, что ты – с нами, за нами тоже больше народу пойдёт. Тогда и Наконичи пошатнутся.

– Мне бы вашу уверенность, – буркнул себе под нос Всеслав, так, чтобы волхвы не слышали. Громко же сказал иное. – Вы можете кричать там что угодно, люди либо поверят, либо нет.

– Верно, – вздохнул Велемысл. – Потому мало просто одних слов.

– Нужно твоё знамя, Всеславе, – решительно сказал Годовит. И добавил, помедлив. – И... и твой сын. С небольшой дружиной, полсотни воев вдосыть достанет. У тебя есть что-то... – Годовит помедлил. – Сила какая-то. Ты – владыка.

– Что ж, у вас своих вождей не достанет? – нахмурился Всеслав. – Или у Готшалка-князя родственников нет, которые на вашу сторону бы стали? Я вон тут и от лютичей посла вижу (князь мотнул головой в сторону Велемысла).

– Тебе ль не знать, княже, что у лютичей нет князей, – возразил холодно посланец Радигоста.

– Ну да, – Всеслав скривил губы. – Помню, как же. У одних князей вовсе нет, у других только и мечтают, чтоб германскому императору послужить. И те, и другие готовы друг другу глотку перервать, невесть с кем задружиться лишь бы других утопить. Что, не так?

Волхвы молчали – сказано было не в бровь, а в глаз.

– В этот раз такого не будет, – тяжело сказал, наконец, Годовит. – В этот раз мы не одни, с нами лютичи, ты сам сказал про то. Редаряне и доленчане по слову Радигоста с нами идут.

– Впору мне у вас помощи просить, – хмыкнул Всеслав. – У нас на Руси навыкли в ваших краях, да вон у свеев (князь мотнул головой в сторону угрюмого годи) воев нанимать, чтоб соперника извести. Владимир, прадед, против Ярополка варягов приводил, Ярослав – против Святополка и моего отца. А так, коль вы бучу подымете, а уж тем паче и победите, то ни Мстиславу, ни прочим Ярославичам помощи с Одры не видать как своих ушей. А вот у свеев...

– Конунг Стенкиль при смерти, – быстро говорит годи, горячечно блестя глазами. Он очень хорошо говорит словенской молвью, хотя, по правде-то сказать, его речь больше напоминает варяжскую, чем кривскую. Хотя понять можно, Всеслав, Брень и Славимир понимают, хоть и не каждое слово. Но и того достанет, благо говорит годи о том, что важно для всех, кто сидит сейчас в гриднице. Руки его то и дело начинают перебирать висящие на шее наузы, натываются на Торов молоточек, останавливаются на нём и опадают на стол. – Если сейчас ждать, то после его смерти придёт к власти его сын Эрик. И тогда плохо будет.

– Можно подумать, сейчас вам хорошо, – насмешливо бросил лютич Велемысл, вприщур разглядывая свея. – Стенкиль тот мало не весь Вестергётланд ваш крестил. Лишь гляди и вас за хрип возьмёт, Уппсалу вашу.

Борода Дагфинна встала торчком – видно не по нраву прилились слова Велемысла, сжал зубы годи.

– Хотел епископ Адальвард Двор Богов наш сжечь, было дело, – сузив глаза, бросил он. Взгляд Дагфинна туманился, он то и дело встряхивал головой, словно отгоняя какое-то навязчивое видение или воспоминание, дёргал щекой, проводил рукой по лицу, словно стирая липкую паутину. – Да только конунг не согласился. Пусть у себя в Сигтуне распоряжается епископ. Свеарике ему не Вестергётланд, где его любезных христиан – пруд пруди.

Волхвы молча покивали.

– А вот если Эрик Стенкильссон конунгом станет, то этот и на Двор Богов посягнуть может! – годи сжал кулаки. – Гёты за него стоят, враз его к власти приведут.

– Так опричь него и некому вроде конунгом-то быть, – непонимающе сказал Годовит, глянув на годи из-под косматых седых бровей. – Эрик в семействе Стенкиля старший, ему

на престоле и сидеть. Да и другие-то сыновья Стенкиля, я слышал, тоже не особо горят желанием жертвы Одиуну да Тору приносить – что Хальстен, что Инге, оба христиане истовые, нет?

– Да, – скрепя сердце, признал годи. – Прав ты, Годовит. Но есть то, чего не знает даже твой господин, могущественный и мудрый владыка Святобор. Не в очередь занял престол Стенкиль, не по праву!

– Как это? – вмешался Всеслав, так и подавшись вперёд. – А кто же должен был наследовать Эмунду Старому?! Сын-то его, Анунд, сгиб, отравленной водой опившись?

– Верно, княже, – Дагфинн тоже подался вперёд, как и Всеслав. – А только никто не знал, что у Анунда сын есть!

И князь, и воевода, и волхвы так и впились в годи взглядами. Всеслав сообразил первым.

– Тюборинн, небось? Рабичич? – и все сразу поняли, что он угадал.

– Так что ж с того?! – воскликнул годи. – И Эмунд Старый тюборинном был! Мать-то его, Эдла-венедка, рабыней была!

– Хоть и рабыней, а княжьего роду, – возразил Годовит. – Однако ж прав ты, мудрый годи. В этом случае права этого тюборинна выше прав Стенкиля. Только чего ж?...

– Так не знал же никто! – воскликнул годи. – Вот в прошлом году только узнали. И не тюборинн он, хорнунг!

– И что? – впервой вмешался Славимир. – Он держит вашу сторону?

– Он наш, он не христианин, – подтвердил Дагфинн. – Свечи за него, мы готовы отбить у гётов престол Бьёрна Железнобокого!

– Как его зовут? – Велемысл уже снова обрёл свой прежний, спокойно-насмешливый вид.

– Эрик.

– Тоже Эрик?

– Стало быть, будем ждать смерти Стенкиля? – подытожил Годовит.

– Зачем? – поднял глаза Всеслав. – Зачем её ждать? Если этот ваш Эрик имеет больше прав на престол?

– И то верно, – кивнул годи. – Но нам тоже нужна твоя помощь, конунг Висислейв. Такая же, как и вендам. Только мы не просим отправить к нам твоего сына, нет. Мы просим твою дочь.

– Просим? – непонимающе протянул князь.

– Просим, – повторил годи. – Просим замуж за Эрика.

– Замуж? За рабичича? – выделяя каждое слово, переспросил Всеслав.

– За хорнунга, – поправил годи и добавил, ничуть не смущённо сверля Всеслава неотступным взглядом. – И твой прадед, конунг, тюборинном был, разве нет? А есть ли более надёжный способ скрепить союз? И не просто за хорнунга – за будущего конунга свейского отдаёшь дочь.

Всеслав думал.

Думай, не думай, а годи был кругом прав. И кровь конунгов, пусть даже и разбавленная кровью трэлей (но Эрик – не тюборинн, не рабичич, он – хорнунг!). И красиво выходило – на Варяжьем Поморье будет Рогволод (и чем боги не шутят, не угодит ли на престол Наконичей), в Свеарике Всеславна будет женой конунга. И было ещё одно, о чем не сказал годи, о чём умолчал и Всеслав, но о чём помнили все.

Дочь князя должна выходить замуж за князя. Короля. Конунга. А почти все князья, короли и конунги опричь крещены, и для того, чтобы выйти замуж за равного, любой Всеславне придётся либо креститься (а дети Всеслава, в отличие от него, отвергшегося от креста, крещены не были вовзят), либо искать князя-язычника (а таких слишком мало). А то и вовсе – выдавать их замуж за бояр.

Всеслав думал недолгое время, наконец, коротко кивнул.

– Добро. Быть по сему. Старшая дочь моя, Витонег, за Ходимира, князя вятичей, сговорена, потому вторую дочь даю, Гориславу. Ей шестнадцатый год, так и так пора замуж девке. Любое важное дело скрепляется жертвой.

Бурый бык из придвинских лесов хрипло ревел, рыл копытом землю, косил налитым кровью глазом в сторону столпившихся у высоких резных столбов на вершине прибрежного холма, но вырвать верёвки из крепких рук княжьих воев не мог.

Волхвы подошли ближе. Славимир успел ухватить мимолётную насмешливую улыбку лютича Велемысла, оглядывавшего капь Велеса – видимо, служителю Сварожича здешнее святилище показалось простоватым. Вестимо, не межевому капищу земли кривичей равняться с богатыми храмами и святыми рощами Радигостя на берегах Доленче! – вскипел про себя Славимир, внешне, впрочем, никак не выказав гнева. Да и Велемысл под укоризненным взглядом Годовита (арконский владыка был более мудр, видно, годы сказывались) тут же без следа стёр ухмылку с губ. Волхвы стали обочь капей, годи Дагфинн чуть посторонился (сейчас не его было дело, не его богам служили) – и вои пустили быка.

Сипато взмыкнув, бык тяжело ринулся к ним. Но мелькнула стремительная тёмная тень впереймы, тускло-багряно блеснул в лучах заходящего солнца рожон тяжёлой рогатины.

Всеслав ударил под левую лопатку, словно на охоте, из-под солнца. Бык споткнулся на бегу, ноги подломились, тяжёлая буро-рыжая туша грянулась оземь. Всеслав рывком оказался около бычьей головы, коротким движением прижал её к земле и перехватил ножом яремную жилу. Тугая струя крови плеснула на подножие Велесовой капи.

Полюд и Ярко уже легли спать, сумерки сгустились, клёв прекратился, и теперь удочки снова в дело пойдут только утром. Завид ещё ворошил палкой угли, дожидаясь, пока погаснут язычки пламени, потом поднялся и отошёл от костра в сторону – от подобравшегося с реки холода приспела нужда.

Мальчишка только взялся за завязку гашника, как еле слышный шорох заставил его поворотить голову в сторону прибрежных кустов. А в следующий миг внезапный всеобъемлющий страх пригвоздил его к месту.

У высокого ольхового куста стоял почти невидимый в сумерках волк. Огромный, мало не с быка ростом, он замер, чуть приподняв лапу, и глядел разгорающимся взглядом (не на меня гляди, не на меня! – немо взмолился про себя Завид) в сторону города, глаза мерцали багряными огоньками. А надо ним, над лесом, в промозглom сыром весеннем воздухе, в тучах внезапно соткались очертания другого громадного волка. Другого, да только того же самого! То же положение тела, та же вздыбленная шерсть, та же чуть приподнятая лапа, та же вздёрнутая верхняя губа, обнажающая клыки. Словно светило что-то невидимое с земли, заставляя волка отбрасывать на облака огромную тень, выше леса стоячего.

И всё же это была не тень! Завид ясно видел на этой «тени» палевые пятна на серой шерсти, едва заметные, сквозь них просвечивали тучи, но они всё равно были видны. Это не тень.

Остолбенение длилось какое-то мгновение. Потом волк (и тот волк, в небе – тоже!) словно унюхал что, довольно оскалится, хрипло рыкнул (в рычании Завиду почудились какие-то неразборчивые человеческие слова) и одним движением скрылся в кустах. И тот, в небе, исчез тоже.

2. Словенская земля. Перынь⁴. Лето 1066 года, изок

В сумерках гулко и разноголосно пели лягушки на берегу Мутной⁵. Тёплый вечерний воздух приятно обволакивал, тянул речными и городскими запахами – макушка лета, город пахнет застоялой пылью и сухим конским навозом. От Перыни до Новгорода с десятков вёрст, здесь больше речной свежестью пахнет, хоть и сотни людей бывают в Перыни каждый день – древняя святыня словен притягивала людей по-прежнему, хотя после её разорения прошло уже восемь десятков лет.

Несмеян въехал в ворота Перыни, равнодушно скользнул взглядом по чешуе гонта (впрочем, здесь его зовут лемехом) на кровле церкви, срубленной ещё при Добрыне, поворотил коня к большому дому невядалеке от церкви – сруб в лапу, лемех, высокое крыльцо и подклет, длинная коновязь под высокой камышовой кровлей, обнесённая плетёной из ивняка оградой. Он был здесь уже не в первый раз, потому и двигался так уверенно. У коновязи уже стоял чей-то конь – Несмеян даже знал чей именно. Привязал повод к коновязи, коснулся ладонью бока чужого коня. Тот отпрянул, злобно храпя и поджимая уши, но тем и ограничился – зубами Несмеяна ему было не достать, копытами – тоже. Шерсть была суха – значит, тот, другой человек приехал в Перынь довольно давно.

Ждёт.

Несмеян чуть качнул головой и ступил на высокое крыльцо.

Дом в Перыни принадлежал новгородскому боярину Крамарю, тому самому, что приезжал после плесковской войны в Полоцк – искать дружбы князя Всеслава. В Перыни жило мало народу – всего с десятков изб высилось – жили потомки храмовой челяди, тех, кто при святилище издревле ютиться привык. Сжёл Добрыня святилище, а люди остались. С чего крестители их не побили – невестимо; в Новгороде нежностей не разводили. Может, гнева богов побоялся отступник (хотя снявши голову, по волосам не плачут), может ещё с чего.

Все полтора года с позапрошлоголетней плесковской неудачи Всеслав и Бронибор Гюрятич ткали паутину заговоров, мотались по кривской земле, наводя тропы и связи, встречались с кривскими боярами, литовскими князьями и даже бывало с деревенскими ведунами.

Один из этих ведунов, самый старый – и самый умный, как показалось Всеславу – долго и пристально глядел князю в глаза, словно искал там что-то ясное только ему. И молчал. Всеслав уже начал было тревожиться – поговорить надо было о многом, но начать говорить раньше убелённого сединами морщинистого старца с ледяным взглядом голубых глаз казалось непристойным даже князю. Он уже решил было начать первым, когда глаза ведуна вдруг вспыхнули, словно он, наконец, что-то в князе нашёл. Старик коротко кивнул, словно соглашаясь с несказанным, склонил голову и встал. Поднялся и князь, оторопело и всё ещё не понимая, но ведун был уже у двери. Несмеян, посторонился, пропуская его; ведун, чуть задержавшись на пороге, истово поклонился князю.

– Жди, господине.

И исчез за скрипнувшей дверью, за которой вдруг мелькнул кусок ярко-синего зимнего неба над снеговым увалом и стоящие в этой сини частые дымы – дело было в большом погосте на самой меже Полоцка и Плескова в общинной избе-беседе.

Дверь со скрипом захлопнулась, князь несколько мгновений ошалело стоял посреди беседы, потом подскочил к порогу, отворил дверь... пусто.

Князь и гридень быстро переглянулись.

Ведуна уже не было.

⁴ Перынь – урочище близ Новгорода, где до крещения Руси располагалось языческое святилище.

⁵ Мутная – второе название реки Волхов.

Исчез, растворился в зимних просторах кривских дебрей. Без следа пропал – даже стража не видела.

И чего ждать – было неясно. Ведь Всеслав не сказал ведуну ничего про задуманное им в разговорах с тысяцким Бронибором.

И вот теперь те же дороги привели Несмеяна в Перынь. Уже одного, без князя.

Дверь, скрипнув, отворилась, гридень шагнул в тёплое и душное жило – из-за стола навстречу ему поднялся высокий, богато одетый парень.

– Гой еси, Крамаре, – весело бросил Несмеян.

– И тебе поздорову, гриде, – отозвался новгородский боярин хмуро.

На дворе уже горласто орали петухи, а на восходе тоненькой розовой полоской занималась заря. Гридень Тренята лениво подошёл к окну, потянулся, сладко, до хруста челюсти, зевнул.

В дверь неуверенно стукнули.

– Ну?! – недовольно крикнул гридень, вприщур разглядывая тёмную и пустую по раннему часу улицу новгородского детинца.

В дверь просунулась голова Птахи – верного дворового холопа.

– Что? – недовольство в голосе Треняты вмиг испарилась.

– Весть из Перыни, – сообщил Птаха довольным шёпотом. – Там полочанин. Он прислан...

– К кому? – разнообразием слов речь гриды не отличалась.

– Крамарь...

– Боярин с Людина?! – в ужасе перебил Тренята. Он, когда посылал Птаху пошарить в городе, вовсе не рассчитывал на большой успех. На столь большой успех.

– Как нашёл?

– Да просто за боярином соследил, – пожал плечами холоп. – Он и не заметил ничего.

– В Перыни, значит? – хрипло спросил Тренята. Рука гридня уже сама по себе искала брошенную перевязь с мечом. Надо было и князю доложить – не хватало ещё оплошать, как в прошлый раз с Лютогостем Басюричем. – Подымай людей!

Птаха кивнул и исчез. А Тренята хищно согнул пальцы, словно собираясь во что-то вцепиться когтями, и мечтательно процедил:

– Ну, Крамаре...

– Я к тебе со словом от князя Всеслава, – гридень без стеснения разглядывал Крамаря. – Как меня кличут, ты знаешь.

– Знаю, как же, – в голосе боярина уже прорезалось любопытство. – И чего мне велел передать Всеслав Брячиславич?

Сидели за столом с глазу на глаз в пустом терему – не было там ни хозяйки, ни прислуги, только одинокий полуглухой старик-тиун (Несмеян слышал, что боярин зовёт его Борз) ютился за печью в бабьем куту. Ни полочанин, ни новгородец его не опасались – слуга должен быть верен господину.

– Князь Всеслав предлагает тебе, боярин Крамарь, принять его сторону...

– ... когда полочкая рать подступит к Новгороду, – закончил за Несмеяна боярин.

– Ну... да, – колеблясь, согласился гридень.

– Почто именно ко мне? – прямо спросил Крамарь. – Или к другим боярам тож послан?

– Вестимо, и к другим тоже, – не отрицал Несмеян с плохо скрытым раздражением. Он встречался здесь с Крамарём здесь уже в третий раз, и каждый раз начиналось одно и то же – новгородская господа ни мычала, ни телилась. Казалось, они каждый раз исполняют какой-то обряд, словно им воля богов не позволяла согласиться с первого раза. Возможно, так оно и было, хотя в глубине души Несмеян подозревал, что они просто не хотят договариваться с ним, гриднем, и хотят, чтобы к ним на встречу приехал и сам Всеслав. В прошлый раз он даже

выругался непутём, помянув и господина – не мог, что ли, Всеслав Брючиславич, действительно сам поговорить с новгородской господой – не чернь же они, на самом-то деле.

Впрочем, князю виднее, как поступить правильно.

– И к кому ж ты послан ещё?

– К Людину старосте, боярину Басюре.

Сколько можно воду в ступе толочь, – раздражённо подумал гридень. – А то они не знают, к кому я приехал, а то они сами не присылали в Полоцк, а то сам Крамарь не приезжал в Полоцк к князю Всеславу.

Несмеян всё больше ощущал себя внутри какой-то затянувшейся скоморошины. Нет, они точно обряд какой-то разыгрывают.

Воспрял боярин, да только ненадолго.

– Стало быть, предлагает мне Всеслав Брючиславич князю своему изменить... – задумчиво сказал он. Даже не спросил, а именно сказал.

– Почему же – изменить?

– Ну как же, – возразил боярин. – Не отъехать от Мстислава, а на бою перейти с оружием в руках. Сие и есть измена, разве не так, витязе?

– Так, боярин, – признал гридень, веселея. Таких слов ни в прошлый, ни в позапрошлый раз Крамарь не говорил. Видно было, что лёд тронулся. – Только вот тебе-то князь Мстислав – не господин, тебе, боярину, господин – Новгород. Как он решит, так и будет. И Басюре-боярину тоже.

Боярин молчал.

– То к вашему ж благу будет, – продолжал гридень, видя, что боярин молчит. – Коль город сопротивляться будет, да наш верх станет... не поздоровится господам новгородцам. Ведаешь ведь, Крамарь Гордятич, что во взятых на щит городах бывает. А так... просто войдём в город – и всё.

Крамарь молчал.

– Опричь того, боярин, ведая про нынешнюю трудноту и обиду боярина Басюры, князь Всеслав Брючиславич думает, что по древности-то рода, да по силе достоин на Новгороде посадничтву Басюре одержать, а не холуям великого князя.

Крамарь сузил глаза, на челюсти вновь вспухли желваки, невеликая пока что по молодости борода смешно шевельнулась, задираясь вверх.

– За вами с Басюрой и сила немалая, и слово ваше в новгородской господе многого стоит, – закончил Несмеян.

Боярин теребил бороду, раздумывая. Сомневался боярин. Наконец, склонил согласно голову.

Всё-таки это был обряд. Видно, так принято у боярства (у всех обряды свои) – отказаться следовало до трёх раз, так богам угоднее. Зато теперь обещание новгородской знати (не всей знати, Несмеяне, ой не всей!) было крепко – крепче только кровью скреплять. А и скреплено уж – Лютогостевой кровью.

За печью опять зашевелился Борз, пошёл к двери – должно, нужда какая позвала. Несмеян с трудом, исключительно из почтения перед старостью, сдержал усмешку – такое назвище больше подходило молодому парню, чем старику. Впрочем, был же когда-то Борз и молодым, а над старостью, смеяться – возят стыда не иметь.

Гридень поднялся тоже.

– По душе ты мне боярин, – сказал он, глядя на Крамаря вприщур. – Прямая душа, не как у иных. Прощевай, пора мне.

Ему и впрямь было пора.

Борз нетвёрдыми шагами вышел из хором в сени. Старческая немочь в последнее время одолевала возят, пора было уже и сани готовить, да всё жаль было покинуть молодого хозя-

ина – навык с малых лет заботиться о нём, а тот вырос, да так и жил бобылём. Оттого должно и хозяйство у молодого боярина не ладилось, и холопов было мало, и смерды едва работали. Пора бы давно уже жениться Крамарю, да война помешала. А теперь и вовсе невестимо когда остепенится.

Тиун отогнал навязчивые глупые мысли – он не сваха, и не родитель боярину, тот и сам себе голова. Дошёл до двери на крыльцо и толкнул её наружу, опираясь рукой на лавку.

Дверь распахнулась, и Борз опешил. За порогом стояли трое оружных, лиц было не видно, но они держали руки на поясе, рядом с рукоятями мечей. А в следующий миг тиун их узнал – гридень Тренята, старшой дружины Мстиславлей, со своими людьми. И Тренята уже протянул руку к двери – видно, постучать хотел, когда Борз отворил.

Тиун от неожиданности икнул, глядя на Треняту во все глаза, и шарахнулся назад, успев увидеть, как на лице гридня недоумение сменяется досадой. Мягко и стремительно, словно огромный дикий кот, Тренята прыгнул следом за тиуном. Они с грохотом обрушились на пол, под лавку. Удар в грудь на миг оборвал дыхание Борза, но тиун со стоном прогнал в лёгкие воздух и надрывно заорал:

– К мечу, господине! К мечу!

Здоровенная затрещина вмиг вышибла из него сознание.

После крика тиуна медлить было больше нельзя, и вои, лязгая оружием, бешеными волками ворвались в сени. Но за дверью уже глухо стукнул засов.

Поздно!

Вои колотили в дверь сапогами и плечами, она вздрагивала, но не поддавалась.

– Ломай дверь, ... мать! – рявкнул Тренята, выхватил из чьих-то рук топор, и сам, широко размахнувшись, ударил по двери. Доска гулко лопнула по всей длине, а после второго удара, не выдержав, дверное полотно расселось и провисло на петлях и засове. Вои вмиг отшвырнули половинки и ворвались внутрь.

Пусто!

Только сквозняк веет от разобранной с краю кровли.

Несмеян лез по краю кровли гульбища, цепляясь за гонтовые пластины. Рядом так же осторожно цеплялся Крамарь. Благо в терему оказалась лестница, достигающая кровли, а гонту можно было разобрать изнутри. Можно было прыгнуть прямо сейчас, но тогда до конюшни им добежать не дадут – вестимо, «мстиславичи» не втроём пришли. Во дворе – не менее пяти воев. Завяжи бой – остальные сбегутся. Да они и так сбегутся сейчас... А с краю до кровли конюшни не допрыгнуть.

– Куда? – горячечным шёпотом спросил Крамарь.

– Вверх! – приказал Несмеян не терпящим возражений голосом.

Кровля гудела от ветра, скользкая гонта грозил смертью. Гридень и боярин доползли уже до самого охлупня. Несмеян ухватился за самую резную голову конька и смерил взглядом открывшийся провал. Вниз, до земли – больше двух сажен. Вперёд – до камышовой крыши конюшни – меньше полутора.

Он обернулся и встретил отчаянный взгляд Крамаря – а не глупишь ли, гриде? Не проще ль честно встретить железо на земле? И в этот миг снизу раздался пронзительный вопль. Заметили!

Несмеян грубо ухватил боярина за плечо.

– Прыгай! – прорычал он бешено.

– Куда?! – боярин ещё не понимал.

– На конюшню! – рявкнул гридень и выматерился так, что у самого заложило уши. И прыгнул сам.

В этот миг двор осветился рвущимся багровым светом жагр, – «мстиславичи», наконец, сообразили, что надо делать. И из терема высыпали во двор.

Услыхав крики, Крамарь вмиг понял, что надо делать, и что хочет делать полочанин. Всё верно – надо добраться до коней, но до конюшни мстиславичи не пропустят. Значит...

Он не стал больше хвататься за охлупень – отпустился, заскользил по лемеху вниз, оттолкнулся от жёлоба на краю кровли и прыгнул с саженой высоты во двор. Успел увидеть изумлённо вытаращенные глаза Мстислава воя, да распыленный в крике рот. Рухнул на него сверху, сшиб на землю, ударил локтем между глаз.

Несмеян пал на кровлю конюшни плашмя, вскрикнул от удара – на миг стало нечем дышать. Но ноги провалились сквозь толстый камышовый настил внутрь, полочанин пробил крышу и сполз внутрь, на сеновал. Теперь вниз, к коням!

Вои уже набегали, когда Крамарь вскочил на ноги, обнажая меч. Первый Мстислав вой был слишком быстр и не успел даже вздеть меча, получив удар острым оцелом прямо в лицо. Крамарь зловеще расхохотался и прыгнул навстречу двум другим.

Первый отбил удар боярина, но нерасчётливо открылся сбоку, и новгородец с маху пнул его в промежность. Перепрыгнул через скорченного, чувствуя, как в голос взвыли кости, ушибленные падением с кровли, и в развороте достал второго «мстиславича» рукоятью меча в переносицу.

Но теперь к нему неспешно бежали уже четверо, блестя нагими клинками. Разделились по двое, охватывая его с двух сторон. Он рассмеялся, – «мстиславичи» пытались отрезать его от ворот. Зря. Крамарь не собирался бежать.

Ещё медленнее подходил пятый – сам князь Мстислав Изяславич.

Крамарь перехватил рукоять меча сразу двумя руками, чуя спиной холод смертной истомы.

– Что ж ты, Крамарь Судилич, – голос князя был холоден, как лёд, – уже и меч на нас подьемлешь?

– А какое тебе дело до меча моего? – дерзко ответил боярин. – Я человек вольный, не холоп.

– Есть ли воля на господина меч вздывать? – возразил Мстислав. Он не спешил. Вои на мгновения замерли, – раз князь сам с боярином говорит, вмешиваться не след.

– А ты мне не господин! – бросил Крамарь слово поверх клинка. – Господин мне – только Новгород, а не князь альбо княжий холуй.

Трента подался вперёд, но князь остановил его. Взвились клинки, рвануло болью правое плечо, хлынула кровь, пачкая белую рубаху, но один из «мстиславичей» уже побежал в сторону, собирая с земли ладонями собственные кишки. Крамарь рубанул ещё раз в развороте, успел увидеть, как валится ещё один вой, когда у самых глаз блеснуло железо, и острая, как шило, боль вонзилась в ключицу. Вдруг враз отказали ноги, и, уже падая, боярин видел, как с заднего двора несётся всадник с поводным конём.

Внутри конюшни ворвался багровый пляшущий свет, – в углу заднего двора что-то уже горело, должно быть, бочка со смолой. Ох, устроят «мстиславичи» пожар, – подумал Несмеян весело.

Вместе со светом в конюшню ворвались двое. Гридень обнажил меч; зазвенел оцел. Внезапность была на его стороне, и Несмеян пригвоздила переднего воя к опорному столбу, расщепив дерево. Вязкий дуб зажал лёзо, а вырывать его времени не было, – второй вой уже вытянулся в ударе, и клинок летел Несмеяну в лицо. Гридень в полуобороте пропустил его мимо себя и ударил наспех обнажённым ножом снизу вверх – прямо в грудь. Будут потом, чуя на дворе засохшую кровь, шарахаться кони и реветь волы. Плевать, – весело подумал Несмеян, вырывая меч из расщепа и хватая за поводья коней.

Он вырвался на передний двор, когда Крамарь уже падал, выронив меч, и гридень сразу же понял – всё! С такими ранами не выживают. Ярость дикой волной захлестнула рассудок, но полочанин сумел овладеть собой, – боярин погиб за него, и нельзя было сделать эту

гибель зряшной, ввязавшись в бой с «мстиславичами». Вот тебе и ещё раз кровью скреплено! – мелькнула дурная мысль.

Несмеян подстегнул коня, бросив его в гущу воев, походя рубанул одного, сбил конской грудью другого и поворотил к распахнутым воротам. Свистнул ветер, бросаясь навстречу, шарахнулись от Несмеянова посвиста, обрывая чёмбуры, кони «мстиславичей».

Князь от злости готов был броситься наземь и головой биться. Ведь сам! Сам оставил ворота открытыми. Хотя и то сказать, закрой они ворота – не высигнул ли бы полочанин через заплот?

3. Кривская земля. Мядель. Починок Моховая Борода. Лето 1066 года, изок, Купала

Сквозь неумолчный летний гомон птиц и звон беспокойного даже на солнце комарья, слышался невнятный шорох. Несмеян остановил коня, настороженно повёл головой туда-сюда, медленно потянул из налучья лук. Наложил стрелу, и, едва слышался новый шорох, стремительно оборотился и вскинул лук. И сразу же опустил. Переполох поднял Серый. Он виновато покосился на хозяина умными глазами и чуть шевельнул косматым хвостом – чего, мол, ты, хозяин, ничего же не случилось, а пугать тебя я и вовсе не хотел. А испугать Серый мог и впрямь любого – здоровенные кривые клыки мало не в вершок длиной совладали бы не только с волком, лосём или медведем – одолели бы и жёсткую щетинистую шкуру кабана, которую и железом-то пробьёшь не вдруг. Иные из друзей Несмеяна его взболь побаивались – выглядел Серый сущим волком, только кончики ушей чуть висли книзу.

– Ищи, Серый, – велел Несмеян шёпотом. Пёс понял, довольно фыркнул и нырнул в густой чапыжник у тропы. Скоро вой услышал, как Серый негромко рывкнул где-то невдалеке – лаять пёс почти не умел, но по его рычанию Несмеян всегда умел угадать, какую дичь тот затравил.

Гридень так же негромко, но пронзительно свистнул – из густой, по колено, травы взвился с горловым звенящим вскриком пёстрый, с медным отливом перьев тетерев-косач. Звякнула тетива, тонко пропела стрела. Вопль прервался, и тетерев забился в кустах, разбрасывая кровавые бусины.

Ну вот. Всё же не с пустыми руками приедешь к любимой жене да дорогому тестю, – мелькнула вздорная мысль. Несмеян наклонился с седла и, ухватив стрелу за оперение, поднял сбитую птицу. Прикрыв глаза рукой, глянул на солнце – скоро уже и закат. Тёмные, полупрозрачные тени уже вытянулись сажен на десять. Следовало поспешить. Кривич в лесу хоть и дома – и леший давно прикормлен, и мавки все давно знакомы – но без лишней надобности ночевать здесь не стоило. Да ещё в купальскую-то ночь...

Несмеян подъехал к воротам починка, когда вечер уже подступал со стороны опушки синими сумерками. Из ворот выбежал сын – встречать, а навстречу ему ринулся пёс. Несмеян ещё только перекинул ногу через луку седла, а мальчишка уже обнимался с Серым. Потом быстро выпрямился, на миг припал к отцу и принял поводья. Невзор рос молчальником, ему, пожалуй, пошло бы иное назвище – Молчан.

Несмеян ещё в прошлом году, воротясь из похода на Киев, собирался отдать сына в войский дом, да так и не сложилось – свалился Невзор с огневицей и до самых дожинок пролежал в жару.

И гридень решил – можно и ещё год потерпеть. Хотя сейчас иной раз думал – не напрасно ли?

Несмеян, улыбаясь, обнял сына, потрепал за льяной вихор:

– Здоров вымахал без батьки-то.

Вестимо, вой шутил – семья гостила у тестя всего вторую седмицу, за это время сын сильно вырасти не мог. Невзор в ответ только молча улыбнулся и потянул коня в угол двора, к коновязи, не доверяя домочадцам, глазевшим на нового гостя со всех сторон двора.

Починок Калины – Моховая Борода – был невелик. Большая изба, островерхий тын, разбросанные по двору клетки и скотинные загородки. У Калины на дворе жило трое принятых слуг – парень-пастух да двое баб. Хозяйство было не сказать, чтобы бедное, но и не богатое.

– Повыше навяжи, да овса пока что не давай, – велел Несмеян ему вслед больше для порядка – мальчишка и сам хорошо знал, что надо делать.

Шутки шутками, а парень и впрямь уже большой – на днях пятнадцатый год пошёл, самая пора к войсковому научению – самого Несмеяна отец в учение раньше. Гридень чуть улыбнулся, вспомнив и отца, и войский дом, и Старых – двух наставников, про которых, казалось, позабыла и сама Морана. Отца и в живых уж нет – умер два года тому, как раз когда Несмеян с князем в плесковский поход собирался, а вот Старые, слышно, невзирая, что каждому, небось, век миновал, до сей поры юнцов натаскивают на Нарочи.

Купава глядела на него с крыльца вприщур.

– И где же это тебя носило? – спросила она с ехидцей, когда муж подошёл ближе. – А?

– Ох, Пава, ты не поверишь, – вздохнул он с притворной усталостью. – После расскажу... может быть.

– Да ну тебя, – она замахнулась с такой же притворной злостью. – Расскажет он, как же. Иди вечерять лучше.

Перед тем, как ступить на крыльцо, Несмеян окинул взглядом двор починка. Высокий дом на подклете, узорная резьба на наличниках, подзорах и полотенцах, затянутые бычьим пузырём волоковые оконца. За пять лет не изменилось ничего: только у самого репища появилось две грубовато рубленых клетки.

А вот, кстати, про тестя...

– А где же батюшка-то? – вышло как-то не очень хорошо, словно и в насмешку даже. Но Купава не заметила ничего.

– В лесу где-то бродит, сказал, чтоб без него вечеряли. К ночи мол, только воротится.

Хозяйка тестя приказала долго жить два года тому, и старый, но могучий лесовик Калина жил один. Землю забросил, жил охотой... однако же клетки для чего-то ставит, – подумал вдруг Несмеян с удивлением.

Стол был не особо богат, но и не беден. Коровай чёрного хлеба, крупная дорогая соль, жареная дичина, молодой зелёный лук и щавель, печёная репа, первые огурцы, пахнущие влажной свежестью и крепостью.

Несмеян ел весело и с охотой, хрустя луком и огурцами, резал ножом мясо, крупно глотал квас из берестяной чаши. За едой молчали – приучены были есть истово, чтоб ничто не отвлекало, чтоб ни крошки не пропало. Сам Несмеян, хоть и не землероб, а не понаслышке знал, откуда и каким трудом берётся хлеб. Так уж водилось в обоих домах – и у Калины, отца Купавы, и у Нечая, отца Несмеяна.

Купава уже подала взвар, когда отворилась дверь, и в жило, пригибая голову, пролез хозяин.

– Несмеяне! – радостно загудел он. – Прибыл, наконец-то!

Обнялись, хлопая друг друга по плечам – Калина был искренне привязан к зятю, хоть и кликал его порой с незлой насмешкой городским оборванцем. Несмеян не обижался – понимал, что тесть не со зла. Да так оно, по совести-то и было – когда Несмеян к Калининой дочери посватался, у него всего зажитка-то и было – только меч. Лесовик сперва было отказал, но прослышав, что друг Несмеянов, Витко, сын воеводы Бреня, выкрал невесту из дома витебского тысяцкого, всё ж согласился – не дожидаться бы того же самого.

– Так где же всё-таки тебя носило-то? – тесть не отрывал взгляда от тонкой струйки пива, льющейся в чашу. – Паве-то ты можешь и не говорить, оно и понятно – баба же она, а у них язык на привязи не держится.

Тесть к женскому полу относился с явным предубеждением. Жена у него в доме в своё время слова ему поперёк не смела сказать, хоть он и не обижал её никогда.

– А, – беспечно махнул рукой Несмеян, на миг отставив жбан. – В Плесков и Новгород ездил. Отай.

– Вот как? – тесть удивлённо поднял брови. – Быстро обернулся.

Несмеян молча пожал плечами.

– Один бегал?

– Один, – подтвердил вой, отпивая пиво и сдувая пену с усов.

– С чем ходил-то? – словно невзначай спросил Калина.

На сей раз Несмеян решился ответить не вдруг – хоть тесть и смолчит, а всё же княжи-то слова иным ушам доверять не след. Но всё же рассказал.

Про то, как всю зиму мотался от Полоцка к Плескову и Новгороду. Про то, что целую сотню воев из своей дружины Всеслав разослал по кривским землям. Про то, что когда Всеслав нынешним летом ринет на Новгород они тут же станут во главе новой рати. Про то, что новгородское кривское боярство подбирает людей, готовится в нужный миг на Всеславию сторону стать. Не допустить, чтоб город перед ним ворота затворил.

– Вот так, – закончил Несмеян, глядя в пол – отчего-то глядеть в глаза тестю сейчас ему было трудно. Когда он говорил, Калина впивался в него взглядом всё сильнее, даже наклонился в сторону гридня, словно требуя глазами – ещё! ещё! И дерзкий взгляд Несмеяна, который не могли заставить опуститься ни строгие глаза полоцкого князя, ни стрелы и копья вражьей дружины, ни холодные взгляды лесной нечисти, поневоле клонились долу, хотя стыдиться гридню было нечего.

Вестимо, никому иному Несмеян бы и половины того, что сейчас так легко отмолвилось, не сказал бы. Но знал – дальше этого стола его слова не уйдут.

– А для чего в Плесков-то? – спросил Калина, прищурясь. – Всеслав же Брячиславич на Новгород целит.

– Если Новгород возьмём, так тут и Плесков не устоит, – Несмеян царапал ножом ска-терть. – А только свои люди всё одно в городе нужны.

– Но тогда... – Калина чуть помедлил. – Тогда это что – война?

– Она, подлая, – Несмеян стремительно помрачнел.

– С Новгородом, стало быть, война... – задумчиво сказал тесть. Мирный ряд с плесковичами и новгородским князем Мстиславом, которому шла плесковская дань, так и не был заключён.

В последние годы, когда Всеслав своими стремительными походами обломал зубы самым беспокойным соседям, выдались в кривской земле тихие времена. И только шесть лет тому, когда ходили с Ярославичами в Степь гонять торков, Несмеян воротился со стрелой в боку. В позапрошлом году, даже на неудачной войне с Плесковым – гриднем стал. В прошлом году из-под Киева изрядную добычу в серебре привёз. Нынче что?

– Нет. С Киевом, – Несмеян бросил на него быстрый взгляд. – И с Черниговом. И с Переяславлем. Со всей Русью, в общем.

– Тяжеловато станет, – поёжился Калина. – Со всей-то Русью... Да ещё и Ростислав волынский помер.

Когда-то, ещё во времена войны Владимиричей, Калине довелось ратиться. До сих пор вспоминал те времена с дрожью в голосе.

– Сейчас меж Черниговом и Киевом нелады, – прищурился Несмеян.

– Чего Всеслав хочет-то? На киевский стол его всё одно не пустят.

– А ему того и не надо, – Несмеян снова долил пива в чаши. – Он хочет всё кривскую землю взять вкупе. Да за веру постоять. За то мы, кривичи, все станем.

– Это дело доброе, – кивнул тесть. – За веру-то... А кривскую землю... Это ведь и Новгород, и Плесков...

– Да и Смоленск! – на челюсти у воя вспухли желваки.

– Жирноват кус, – с сомнением бросил Калина. – Если так, пожалуй, Ярославичи старые распри-то и позабудут.

– В Киеве много наших. Они на нашей стороне будут. Да и в иных городах тоже.

– Тяжеловато станет... для кривской земли-то, – всё так же с сомнением сказал тесть.

– Выдюжим – решительно отверг Несмеян. – Не за золото или серебро биться – за веру!

А и впрямь – как не выдюжить-то? Кривская земля – природная крепь. Стены непроходимых дебрей, до топи-болота непролазные. А тропинки считаны, а дороги – тем более. А в лесах-болотах – нечисть, что тоже сила немалая кривской земли. Здесь-то, в болотном-то краю.

– Выдюжим, – всё ещё с сомнением, хоть уже и твёрже сказал тесть, подымая чашу с пивом.

Солнце садилось, когда в лесу заголосили, потекли плавной рекой песни. В лесу стало шумно илюдно.

Купальская ночь – особая. Купалье – середина лета, межень, после которого день идёт на убыль. День, когда кончается русальский месяц изок.

Всего в версте от Калининого починка запылали костры, слышались песни и смех молодёжи.

Народу у костров было не сказать, чтоб много, но и не мало для лесной-то глуши. Поблизости в трёх вёсках да на починках жил богатый и большой кривский род Моховиков. Да и из княжьего острога с острова на Мядельском озере вои пожаловали.

Текла под деревьями песня, девки плели венки из луговых цветов, гадая на суженых.

Едва Несмеян с Купавой подошли к крайним кострам, как на них налетела шумная и весёлая гурьба молодёжи.

– Дядька Несмеян! Дядька Несмеян! – галдели парни. – Тебе нынче колесо к реке катить!

Несмеян сам был полочанин, но у Мяделя его знали все – в гости к тестю в Моховую Бороду он наезжал часто.

– А что – достойнее меня некому?

– А кому же? – рассудительно отозвался кто-то из парней. – Ты – княжий вой, тебе и честь.

Но до колеса было ещё далеко.

С песней потянулся меж кустами весёлый девичий танок – священная купальская пляска. А вести танок – самой уважаемой да славной девушке в роду. А то и меж иными родами славной. Первой невесте в округе.

Дотекли девушки до берега озера, рассыпался танок на отдельные весёлые пёстроцветные кучки нарядных девчонок.

А потом вышла та, которая вела танок – в тёмно-синем платье с вышитыми цветами, в венке из нивяницы и волошки. Поклонилась земно садящемуся за окоём солнцу, прижимая к груди коровой хлеба и ковш мёда. И ступила прямо в воду, раздвигая волны, пошла к середине реки.

Несмеян замер на мгновение, глядя ей вслед – девушка была прекрасна в реке. Казалось, вот сейчас вечно юный Дажьбог сам выйдет из своего ломающегося в волнах закатного пламени, возьмёт красавицу под руку...

– Неужто?... – свистящим шёпотом сказала рядом Купава и не договорила. И понятно было без слов.

Нет.

Девушка дошла до огневой закатной дорожки, новь поклонилась в пояс, коснулась волн челом – вода и так достягала ей почти до пояса. Опустила в огневеющую воду хлеб и вылила из ковша мёд.

Поклонилась ещё раз.

И пошла обратно к берегу.

Когда-то – невесть, правда то иль нет – говорят люди, будто каждый год лучшая девушка входила в реку до тех пор, пока не скрывалась с головой в воде, окрашенной закатом в огонь. Становилась навечно Дажьбожьей невестой.

Сейчас девок в невесты богам отдавали только когда всему роду-племени грозила гибель или всеконечное разорение. Альбо когда просили у богов чего-нибудь такого, ради чего и жизни человеческой не жаль.

Колесо было большое, в человеческий рост. Несмеян взялся за продетую в ступицу жердь, за другой конец схватился молодой ещё, но уже попятанный шрамами мужик – что именно мужик, а не вой, было видно по бороде да остриженной в кружок голове. Несмеян мельком глянул на серебряные обереги на его рубахе, чуть качнул головой – мужик тоже был не из простых, да и рода известного – Моховик, староста! Ну да абы кого колесо праздничное катить не пошлют.

Купава застучала кремнем и огнивом, огонь весело вспыхнул, облизывая смолёные спицы и разгоняя сгустившиеся сумерки. Гридень и староста подождали, пока не займётся всё колесо.

– Ну? Взяли?!

Колесо покатилося по пологому берегу вниз, к тёмной воде озера. Пламя жгло, припекало, но Несмеян с мужиком докатили колесо до самой воды и только тогда бросили.

Переглянулись весело, утираясь.

– Зовут как? – отрывисто бросил Несмеян.

– Мурашом кличут, – мужик весело плеснул в распаренное лицо озёрной водой, пришлёпнул на шее комара. – А тебя – Несмеяном, я знаю. Пива выпьешь?

– А то, – весело отозвался вой. – Если поднесёшь, чего же не выпить-то?

Мураш мигнул кому-то за спиной Несмеяна, вой оборотился да так и замер.

Светловолосая девушка с высокой грудью подошла-подплыла, касаясь высокой травы подолом платья, чуть поклонилась, протягивая Несмеяну ковш. Пахнуло ядрёным густым запахом пива, Несмеян сделал несколько глотков, не отрывая взгляда от красавицы. Та самая, что вела танок, та самая, что дарила жертву Дажьбогу. И та самая, которую, по древнему обычаю пришлось бы в Дажьбоговы невесты отдать. Из-под низкого почёлка задорно блеснули на воя зелёные колдовские глаза. Вой протянул обратно ковш, коснулся губами готовно подставленных губ девушки, поклонился.

– Спаси боги за честь, славница.

Мураш за его спиной весело хохотнул.

– Что, вой, понравилась девка?

– Кто такова? – тихо спросил Несмеян, глядя вслед Моховичке – коса тяжёлой золотой змеей падала до самого пояса. – Ишь, краса писаная.

– Дочка моя, – довольно ответил Мураш. – Гордяня. Сватай, если по нраву.

– Женат я, – с неуловимым, едва заметным сожалением ответил Несмеян. – Да и не в моём возрасте жениться, мне уж на четвёртый десяток давно поворотило, а ей, небось, пятнадцать?

– Семнадцать будет через месяц, – всё так же довольно ответил Мураш. – Женат он, глянь-ка... Ты же не христианин, тебе можно, и достатка хватит двух жён прокормить. Эвон отец мой – троих жён держал.

Старый обычай многожёнства отмирал средь кривичей медленно, теснило его христианство, толкало и отталкивало, да только вытеснить до конца не могло.

А когда стемнело совсем, по ручью поплыл огонь. Плыли венки с горящими на них огоньками, а на берегу девушки сжимались от ожидания – тот ли парень выловит венок, которому обещалась, или не тот.

Ловили венки с берега, кто рукой, а кто досягая палкой или жердью – загодя, верно, наготовили. А и то не всем везло. Иной парень, не сумев дотянуться до желанного венка, бросался в воду в чём был и настигал его в два-три взмаха рук. Девчонки бежали вдоль берега с весёлыми перебивками и насмешками над непростыми парнями. Там трое схватили один венок да и разорвали его на три – быть теперь потехе, кулачному бою быть, да и девке выбрать после – кто из троих ей мил покажется. А то и вовсе никто – вот позубоскалят над неудачниками после остальные невесты.

Несмеян и Купава стояли поосторонь, у самого поворота реки, глядя на веселье молодёжи, вспоминая себя. И каждый, взглядывая друг на друга, словно молча говорил – а помнишь?

Помнили.

Волна плеснула, выбрасывая к ногам Несмеяна венок – уже почти потухли огоньки на нём, намокшем и мало не распавшимся от воды. Видно, никто не поймал...

С треском раздвинулись ракиты, выбежали три девушки и Несмеян онемел – впереди бежала Моховичка Гордяна, дочка Мураша. Уж не её ли венок?

Будь Несмеян молодым неженатым парнем, впору было бы схватить венок с торжеством – лучшая невеста округи. Он же чуть отступил на полшага под взглядом оторопелой жены.

Девушки остановились. Молчали, словно поражённые громом.

Гордяна сделала несколько шагов, подняла с воды венок, выпрямилась. Несколько мгновений смотрела Несмеяну в глаза. Потом чуть поклонилась и отошла обратно к подружкам. Что-то сказала, девчонки весело прыснули, и тут же порскнули поосторонь сквозь ракитник – бежали парни. Начиналась новая потеха – поймать девушку да за венок с неё поцелуй стребовать.

А то и не только поцелуй.

Спать себе и мужу Купава постелила на сеновале. Когда Несмеян опустился на шубу рядом с женой, хрустя сеном, она молча поворотилась к нему и обняла нагой рукой. После двух месяцев разлуки была страстная и горячая, ластилась к Несмеяну, выгибалась, кусая губы и сдерживая стоны, царапала плечи. Кружилась вокруг колдовская купальская ночь, плыли в небе облака и звёзды, внизу, в конюшне хрустел сеном конь Несмеяна, шумно чесался под стеной конюшни Серый. А нагие тела в постели стонали, страстно вжимаясь друг в друга, жадно искали губы друг друга, бесстыдно шарили руками по телу.

После, когда они лежали усталые и счастливые, Купава довольно улыбалась в темноте, и Несмеян видел эту улыбку, когда луна на миг выглядывала из-за облаков, и бледный лучик падал на лицо жены через дыру в кровле.

– Хорошо, ладо?

Несмеян молча кивнул, зная, что жена поймёт.

– И мне, – она счастливо повозилась, умащаясь на его плече головой, прикоснулась губами к ключице. Спросила лукаво. – Теперь Моховичку ту меньшицей не возьмёшь?

– Да ты что, Пава? – ошалело спросил Несмеян, чуть приподымаясь на локте. – И в мыслях не было.

– А венок-то к тебе подплыл.

– Ну и что же, – возразил вой, пожимая плечами, и сам не особенно веря в свои слова. – Течением же поднесло. Случайно.

– В купальскую-то ночь – случайно? – хмыкнула жена. – Так не бывает.

Несмеян смолчал.

– А ведь нравится она тебе, – проницательно сказала Купава. – А?

– И что? – не сдержался вой; раздражение прорвалось разом.

Купава тихо засмеялась.

– Ладно, не буду больше... – и снова сказала о прежнем. – Хорошо здесь, Несмеяне. Так бы никуда и не уезжала отсюда.

– Надо, жаль моя, – Несмеян вздохнул. – Ничего не поделаешь, служба. Да и... времена приходят тревожные. Лучше вам в Полоцке быть...

– Что?! – Купава приподнялась на локтях, нагая и прекрасная, выдохнула ему в лицо. – Война, что ли?

– Война, лада моя.

– С кем?

– Да со всеми, – вновь не стал вдаваться в подробности Несмеян. – Ты только про то никому пока...

– Ладно, – Купава откинулась на спину, глядя вверх. – Звери вы, мужики, только бы вам воевать...

– Доля такая, – криво усмехнулся Несмеян. – Вой я...

– Но ведь неведомо ещё, где безопаснее-то будет, – она вновь прижалась к мужу. – Сюда-то, в глушь лесную, если что, вражья рать навряд ли заберётся.

– Как знать, – вздохнул вой грустно. – Тут не угадаешь.

– Ну, тогда и гадать не будем, – тонкие пальцы Купавы почти неслышно прошлись по носу и губам Несмеяна. – Поцелуй меня, ладо...

Рассвет осторожно коснулся розовой дланью верхушек сосен, окрасил небо полупрозрачной лазурью.

Купава счастливо потянулась под длинным тулупом, повернулась к мужу – и тут же проснулась окончательно. Несмеяна на сеновале уже не было. Женщина грустно усмехнулась – ну чего она ещё ждала от воя, навывшего вставать с рассветом.

Несмеян нашёлся во дворе. Купава на миг даже замерла в дверях стаи, залюбовалась мужем.

Несмеян танцевал – иного слова не найдёшь. Гибкое поджарое тело стремительно металось по двору, окутанное сияющим вихрем синего оцела, гибельно свистел рассекаемый нагими клинками воздух. На миг Несмеян застывал в каком-то странном положении, неуловимо похожий на огромного паука с двумя жалами, потом вновь срывался с места – и страшный танец продолжался. Два стремительных клинка рубили, резали, кололи. Наконец, вой остановился, тяжело переводя дыхание, кинул оба меча в ножны. И только тут Купава заметила стоящего на пороге избы сына – Невзор смотрел на отца с неприкрытым восхищением. Несмеян тоже заметил сына, улыбнулся и пошёл к колодцу, бросив Невзору:

– Слей мне.

Вой довольно ухал, растирая по плотному загривку холодную воду.

– Понравилось? – весело спросил он сына.

– А то...

– Хочешь так же?

Невзор счастливо кивнул. Несмеян довольно хмыкнул, и ничего больше не сказал.

От крыльца Купава позвала к первой выти.

За столом, уже доедая яичницу с копчёной лосятиной, гридень негромко сказал сыну:

– Собирайся. Завтра отведу тебя в войский дом.

Купава ахнула, схватясь ладонями за щёки.

– Как? Уже?! – метнула встревоженный взгляд на сына, на мужа, на отца. Калина пожал плечами – дело, дескать, ваше. Семейное.

– Надо так, Купава, – каменно-твёрдо сказал Несмеян. – Надо, чтоб Невзор быстрее умелым воином стал.

– Да зачем?! – жена даже чуть приподнялась из-за стола.

– Купава! – зловеще повысил голос вой. – Затем, чтоб тебя оборонить мог, если со мной что...

– Можно бы и вовсе без того дома войского обойтись, – потеряно сказала Купава. – Ты поглянь – кто на Руси туда теперь детей шлёт? Ведь никто почти!

– Не перечь мужу, дочка, – так же холодно и повелительно сказал отец. – От войской науки никому ещё вреда не было.

– Как сказал, так и будет, – непреклонно бросил Несмеян, вставая.

Купава вскочила из-за стола и выбежала прочь.

Несмеян поворотился к сыну – у того в глазах стояла жалость.

– Жалко мать? – спросил вой. – И мне жалко. А только надо так. И ты сырость разводить мне тут не смей.

Невзор опустил глаза.

– В войский дом пойдёшь в тот же самый, где и я был, – голос Несмеяна смягчился, он опустил руку на плечо сына. – Он отсюда совсем недалеко. Сможешь к деду в гости ходить. Если Старые отпустят. Но гляди у меня: сбежишь – домой не пушу! Честь мою не запятнай! По ней и тебе честь пойдёт!

4. Кривская земля. Озеро Нарочь

Лето 1066 года, червень

Собрались спозаранок: долгие проводы – лишние слёзы. Купава ещё спала, когда отец и сын вышли из дома и молчаливо, наступчиво зашагали в сторону леса, к опушке. И только старый Калина молча провожал их одобрительным прищуренным взглядом.

Отец и сын молча шли друг за другом по лесу, шелестя прошлогодней палой листвой в густой траве. Травостой в этом году выдался знатный, и сенокос обещал быть на славу. Впереди рыскал Серый – пёс любил обоих хозяев, и младшего, и старшего (и невесть ещё, которого больше!) и увязался за ними.

Сын первым нарушил тишину.

– Отче, – на ходу спросил он. – Я вот что спросить хочу... А зачем это надо-то?

– Чего? – не оборачиваясь, бросил Несмеян.

– Ну вот это... войский дом этот?

– Чего? – отец аж остановился.

– Да нет, – сморщился Невзор. – Я не про то... Мне-то для чего? Ты что ли меня научить войскому делу не сможешь?

– А... – протянул Несмеян понятиливо и двинулся дальше. – Вот что, сынку. Так деды-прадеды наши делали. Так меня мой отец в своё время в войский дом отдал. Мы тогда в городе не жили ещё. Так я отцу моему за то до тех пор благодарен буду, поколе меч замогу таскать. А уж не замогу – так, знать, на сани пора да в вырий.

– Чего так? – несколько подавленно спросил мальчишка.

– Не объяснить мне, сыне, – всё так же не оборачиваясь, ответил вой. – Там ведь не только войскому делу учат. Многому мне тебя и не научить. Да и не всегда ж я дома, чтобы тебя учить.

И зашагал резче.

– А чего так далеко-то? – не унимался Невзор. Его голос невольно дрогнул – мальчишка впервой так далеко и надолго уходил из дому. Будь войский дом поближе к Полоцку – можно было бы хоть изредка дома бывать, а тут... когда ещё от Нарочи в Полоцк оказия будет. – Ведь от Полоцка до Нарочи вёрст, должно быть, двести будет...

– Всего-то сто с небольшим, – коротко отозвался Несмеян, и усталый мальчишка умолк.

И только когда отец и сын вновь остановились отдохнуть, Несмеян, тоже уже усталый, пояснил, глядя на яркое солнце над самыми верхушками леса:

– Ближе к Полоцку, сыне, войских домов просто нет, – он вздохнул. – И потом, меня как раз в этом доме учили, так что... тебе туда прямая дорога.

Он помолчал несколько времени, жуя хлеб с копчёным салом и запивая квасом, потом снова вздохнул:

– Ладно, сыне. Давай костёр разводи. Здесь и заночуем.

Костерок уютно потрескивал, разбрасывая искры и разгоняя темноту, подступающую со всех сторон. Мерещилось во тьме разное... Вот из-за дерева высунулась корявая лапа, вот из-за другого выглянули лешачьи глаза, мерцающая зелёноватая огнём, мохнатые уши шевелятся, настороженно ловя каждый звук... А только Серый лежит недвижимой мохнатой глыбой, спрятав меж лап морду – стало быть, никакой опасности нет.

– Отче... – не выдержал, наконец, Невзор.

– Ну чего? – отозвался Несмеян, не шевелясь тёмной глыбой на свеженарубленном лапнике.

– А расскажи чего-нибудь...

– Про что?

– Ну... хоть вот по дом войский, что ли...

Отец недовольно хмыкнул – рассказывать особенно Несмеян не умел и не любил.

– Ладно. Про Испытание тебе расскажу.

От его слов вдруг дохнуло чем-то древним и могущественным, какой-то седой стариной. Невзор поёжился – казалось, его даже здесь, на этой укромной поляне, нашли чьи-то глаза. Или даже так – Глаза.

Издавна так повелось средь словенского языка – едва достигнет парень двенадцати лет, приходит ему пора первого взрослого испытания. И наречения взрослого имени.

И скоро после того приходит время отроку идти в лесной войский дом, в волчье братство вступать.

На целых три года уйдёшь ты, отрок, из рода. И будут тебя учить наставники всему, что умеют сами – скрадывать дичь и ворога, стрелять из лука и метать копьё, ходить в бой с мечом, топором и ножом, изучать зверьи и птичьи повадки. Жить одному в лесу. Распознавать следы. Бегать на лыжах, плавать нагому и в броне. Прятаться под водой, подолгу сидеть на речном дне с камышинкой во рту.

Будешь ты, отрок, сам по себе, будешь свободен от громоздкого свода родовых правил. Но и заступы тебе некоторой ни от кого не будет. Как себя покажешь, таков и будешь после. Драчлив будешь, сговорятся против тебя и все вместе побьют. Смирён будешь – всегда на посылах тебе у вожаков быть. Выбирай.

А Старые смотрят. Примечают, кто крепок, кто слаб, кто нагл, кто тих, кто честен, кто подл.

И всё на будущее запоминают.

И не раз уже бывало так, что тот, кто был справедливым вожаком «молодых волков» в войском доме, тот становился впоследствии не только княжым воем, но и гриднем. Знал таких и Несмеян. Сам таким был.

А потом настанет день Испытания.

Сначала, в первый день, тебя, несмышлёного (ан нет, уж смышлёного! а всё одно рядом со старыми воями сопливого) отрока выведут на широкий двор войского дома, дадут в руки щит и меч и велют отбиваться от девятерых воев с копьями. И откуда только столько воев возьмётся, – дивился иной из отроков, – никогда в войском доме на Нарочи столько воев не бывало. Было два седоусых бритоголовых наставника, которые нещадно учили дюжину мальчишек войскому умению и войской чести. Ещё трое-четверо молодых воев жило при войском доме постоянно. Они тоже учили мальчишек, хоть Старые и ворчали на них постоянно – всё, дескать, не то и не так делаете, косорукие. И всё. Сомнения продолжались до тех пор, пока кто-то

из Старых не обронил мимоходом, что вои приедут нарочно для Испытания. И вот тогда-то и стало боязно даже досужим любителям почесать языки – Старые-то, свои наставники, они хоть и строги, а добры, а вот иные...

После, на другой день, а то и через несчитанное число дней, придёт время второго шага испытания. Побежишь ты, отрок, от опушки леса в глубину чащи, а через то время, чтобы как раз не торопясь, сосчитать до трёх сотен, побегут за тобой в лес те же девятёро с луками и тупыми стрелами. И беда тебе, отрок, если дозволишь хоть одной стреле тебя попятнать. А волосы тебе заплетут в четыре косицы, и если ни одной стрелы тебя не заденет, а хоть одна косица расплетётся – не прошёл ты, отрок, испытания.

А после того – третье испытание. Приведут тебя, отрока с завязанными глазами в лес, развяжут глаза и дадут в руки меч. Беги по лесу, куда хочешь, пока не наскочишь на матёрого оружного воя. И уж тут – поединок. Не насмерть – до первой крови. Тут становилось и ещё страшнее – не навичны бывалые вои бить до первой крови, бьют сразу и насмерть: «богатырская рука дважды не сечёт». Да и вряд ли сможет кто из них, молодых, кому-то бывалому кровь отворить. Не совладать.

– А как тогда? – испуганно спросил притихший Невзор.

– Чего – как? – не понял отец, шелестя лапником.

– Ну... если не совладать...

Несмеян тихо засмеялся:

– Не бойся, сыне. Там тебя всему и научат...

– А... так только нас учат, мальчишек? – спросил вдруг Невзор задумчиво. – Или девчонок тоже?

Несмеян коротко хмыкнул – на сей раз довольно.

– Слышал я от Старых, будто были в прежние времена такие дома и у девчонок. Только учили их там, вестимо, совсем иному, не охоте да войне...

– Да уж понятно, – Невзор, не отрываясь, глядел куда-то в глубину огня. – А теперь, что... нету?

– Да уж давно не слышно... и мужские-то братства бы давно сгинули, если бы не постоянные войны, – Несмеян поправил на плече накиннутую свиту – ночь, хоть и летняя, в лесу всё одно холодна. – А так – где же князьям воев-то в дружину к себе набирать... Да и то слышно, даже в нашей вот кривской земле, да у вятичей ещё, хоть и больше всех иных старины держатся, а и то войских домов почти не стало. Тем выше для тебя честь, сыне.

– Целых три года, – тихо сказал Невзор.

– Не сумуй, Невзоре, – усмехнулся отец. – Не три. Давно это было. Сейчас в год-два управляют. Измельчал ныне народ, всё стараются скорее да быстрее. Будешь на добром счету у Старых... может, и на то лето уже тебе Испытание устроят.

– У Старых? – Невзор приподнялся, и отблески костра отразились в его глазах. – А они – кто?

– Старые-то? – отец тоже приподнялся, задумался даже слегка. – Старые...

И впрямь, как сказать, кто они таковы? Как расскажешь, что без слова Старых ни одно дело в войском доме не сотворится? Что однажды наставник Ясь обронил в омут – нарочно ли, случайно ли, Велес то ведаёт – серебряную гривну с шеи, и сразу пятеро отроков ринули следом, и каждый чаял первым достать серебро со дна. Что наставник Хмель велел оплошавшему отроку уйти в лес даже без кремня, огнива и ножа, и тот жил в лесу три месяца, питаясь тем, что поймает лыковыми силами да с земли подберёт. Что по одному только нахмуренному взгляду кого-нибудь из Старых отроки готовы были пустить сами себе кровь из руки, взять в ладонь раскалённый уголь и смеяться сквозь текущую кровь или запах палёного мяса?

Велика власть вожака над «молодыми волками», но любой вожак покорно должен выполнять даже не высказанную, а только ещё возникшую волю Старого.

– Они... главные наставники? – почти шёпотом спросил Невзор, затаив дыхание.

– Ну... да, – сказал Несмеян. – Старые, в общем, они и есть... Старые.

– Понял, – поскучным голосом сказал Невзор, поняв, что внятного ответа ему не дожидаться.

– Ну, а раз понятно, так спать давай, – отец звучно, с хрустом, зевнул и сказал уже другим голосом – недовольным. – Завтра спозаранок в путь.

Войский дом открылся неожиданно – в неярком свете закатного солнца распласталась по широкой лесной поляне небольшая усадьба – крытый лемехом длинный приземистый дом, столб дыма над дымоходом, три клетки, невысокий (от зверья, не от врага) тын, медвежий череп над воротами скалится зубами в сторону леса.

В воротах их уже встречали – вестимо, пока шли от опушки их заметили. Двое коренастых седоусых мужей, чем-то неуловимо похожих друг на друга, словно братья.

– Гой еси, Старые, – не чинясь, поклонился Несмеян, и сын тут же повторил поклон.

– И ты здравствуй, – отозвался тот, что слева, одноглазый, с чёрной повязкой. Помедлил мгновение. – Несмеян, верно? Сын Нечая? Двадцать лет тому?

Несмеян кивнул, довольно улыбаясь – Старый вспомнил его.

– Сын? – коротко спросил второй, с серьгой в правом ухе, стойко князю Святославу. И Невзор вдруг мгновенно поверил, что оба воя (или даже гридня?) были в своё время близки если не к самому Святославу Игоревичу, так хоть к князю Рогволоду.

– Сын, наставниче Ясь, – с лёгкой гордостью ответил Несмеян.

– К нам определить хочешь? – даже не спросил, а почти утвердил одноглазый.

– Хочу, наставниче Хмель.

Старые неуловимо-быстро переглянулись, потом одноглазый Хмель спросил уже у Невзора:

– Зовут как?

– Невзором отец с матерью кликали.

– Что умеешь?

Невзор несколько мгновений помолчал, словно собираясь с силами:

– Из лука стрелять могу хорошо. Нож и топор метать. Следы разбирать. На кулачках биться – и в стенке, и наособицу. На коне скакать – и в седле, и охлябь. На лыжах ходить и бегать. Седмицу без еды протерплю.

Не подумали бы, что хвастаю, – мелькнуло горячечно. Видно, не только у него мелькнуло – Старые вновь переглянулись, на сей раз с едва заметной улыбкой.

– А без воды сколько? – спросил Ясь, привычно чуть тронув серьгу в ухе.

Невзор на миг озадаченно замолк, потом мотнул головой и выпалил:

– Дня четыре.

– А испытаем? – уже с ясной весёлостью в голосе сказал Хмель, но единственный глаз смотрел всё одно сурово.

Невзор сорвал шапку с головы и швырнул под ноги.

– А испытывай!

Тёплый летний ветерок шевелил стриженные в кружок волосы, отец и Старые смотрели одобрительно.

– А ну, – Ясь чуть шевельнул рукой и кто-то из отроков, неведь когда столпившихся за спиной у Старых, тут же подал ему лук и тул. Как же не поглазеть на забаву, не поскалить зубы на то, как осрамят пришлого.

Наставник Ясь взял оружие не глядя, тут же бросил на отроков косой взгляд – они мгновенно порскнули в ворота, разбегаясь кто куда – каждого ждало какое-нибудь войское занятие.

– Возьми, – Ясь протянул Невзору лук. Парень несколько мгновений колебался – а ну как это первой испытание и следует отказаться от чужого оружия. Собственный лук Невзора висел

у него за спиной. Парень глянул на отца, но Несмеян смотрел в сторону, опасаясь подсказать сыну – Невзор должен был теперь научиться жить своим умом.

Но лук Невзора – охотничий. А тут – настоящий боевой, многослойный лук с роговыми и жильными накладками, с могучей жильной тетивой.

Рука протянулась за луком сама, и пальцы сами сомкнулись на державке. Недолгое колебание Невзора тоже не ускользнуло от Старых, и они вновь коротко переглянулись – не понять, довольно или нет. Навыкли бывалые воины за долгие годы прятать от чужих глаз и радость, и горе, и иные чувства.

– Сшиби-ка шишку с той вон сосны, – Хмель чуть повёл головой. Сосна, на которую он указывал, была от него с незрячей стороны, но он ничуть не усомнился, что шишки на ней есть.

Невзор метнул на неё взгляд.

Шишек не было.

Он уже открыл было рот, чтоб об этом сказать, но уловил насмешливо-испытующий взгляд единственного глаза Хмеля и понял. Впилился взглядом в сосну.

Шишек не было.

И только уже когда напряг глаза до рези, различил у самой макушки несколько малюсеньких тёмно-зелёных пятнышек. Два или три.

Лук оказался намного туже охотничьего, но Невзор справился и быстро завязал тетиву. Наложил стрелу, вскинул лук, сметил лёгкий ветерок и выстрелил.

Дрогнула ветка, осыпалась пожелтевшая прошлогодняя хвоя. Невзор сбегал до сосны и воротился, торжествующий, неся стрелу с насаженной на неё шишкой.

Старые вновь переглянулись, на сей раз даже не сумев скрыть одобрения.

– Ну, по крайней мере, в одном точно не соврал, – буркнул наставник Ясь.

– Лук отдай, – бросил наставник Хмель. – Ишь вцепился... силу почуял его?

Почуял.

Невзор не смог бы рассказать словами, что именно он почуял. Да, силу... странную силу, истекающую от настоящего боевого оружия, силу, рождающую уверенность.

Парень с сожалением протянул лук отроку.

Отец глядел с одобрением.

– А когда мне такой дадут? – не сдержался Невзор.

– Не дадут, – качнул головой Ясь. – Сам сделаешь.

– Сам? – поразился парень.

– Сам.

– Ну что, наставниче Хмель? – спросил из-за спины отец, и его голос странно и неуверенно дрогнул.

– Ничего, – прогудел Хмель, и в его голосе слышалось что-то весёлое. – Этот мальчишка нам подойдёт. Хвастать только, похоже, любит... да это дело для воина небольшая беда. Пообтешется, оцел окровавит... через года два, глядишь, и станет настоящим воём.

– Спаси боги за милость вашу, – поклонился Несмеян. Невзор остался стоять с открытым ртом. Это отец-то, который никому, опричь волхвов да князя, не кланялся?

Спохватился и поклонился тоже.

– А ты чего тут стоишь? – тут же обратил на него внимание наставник Хмель. – А ну бегом к отрокам!

Всё верно – раз тебя взяли, так чего тут около настоящих мужей мух ноздрями ловить? Отроку место с отроками, речей не ведущими. Науку ратную постигать.

Невзор метнулся в ворота и, уже нырнув под перекрытие, остановился около верей и оборотился, словно кто-то шепнул ему. Нашёл взглядом отцово лицо, прикипел к нему глазами. Не на седмицу, не на месяц расстаётесь! И так вдруг стало жалко, что с матерью не простился.

И почти тут же к его ногам припал огромный скулящий косматый ком. Серый!

Пёс умоляюще глядел то на одного хозяина, то на другого. Отец чуть заметно кивнул. И почти так же едва заметно кивнул Наставник Хмель. И рука Невзора словно сама собой опустилась на косматый загривок Серого.

Отец снова ободряюще кивнул, и Невзор, заметив, что наставник Ясь как-то по-особенному неодобрительно оборачивается к нему, снова пустился во двор. Серый ринулся следом, весело крутя хвостом.

ГЛАВА ВТОРАЯ ВЛАДЫЧИЦА ОЗЕРА

Варяжье Поморье. Вендская держава. Полабская земля. Зверино-море⁶. Лето 1066 года

В дубравах шумел ветер.

Рогволод Всеславич покосился на каменное лицо дружинного старшего, гридня Раха, вздохнул и прикусил жидкий ещё, едва начавший отрастать русский ус. Отцову гридню особо прекословить не будешь, а раз Рах Стонежич сказал, что надо спешить, стало быть, так оно и есть. Княжичу смерть как хотелось поохотиться, но на это не было времени – дружина Рогволода и приставшие к ней лютичи и глиняне спешили в Велиград, на общее вече.

Охоту Рогволод любил. Гораздо больше, чем, к примеру, государские заботы или званные пиры в княжьем гриднице (на которые, справедливости ради сказать, его отец начал звать только в последние два года, после сражения на Шелони). А вот сражаться ему понравилось. Рогволод опять вздохнул, вспоминая, как врубился в спутанный строй «мстиславичей» во главе дружины (вспоминая, как в том первом бою его, двенадцатилетнего мальчишку, оберегали с обеих сторон отцовы вои, он неудержимо краснел, но повторял про себя упрямо – врубился! врубился! во главе!). В бою была та же страсть, что и в охоте, то же волнение и бьющая в виски кровь. И кто бы осмелился сказать, что из него, не любящего скучных сидений с боярами и хмельных пиров с дружиной, не выйдет государя? Да и кому те сидения с боярами нравятся в четырнадцать-то лет? То ли дело – охота!

Рогволод перевёл взгляд на дорогу – поросшая густой травой едва заметная колея исчезала в ближнем лесу, за вершинами которого виднелась серо-голубая гладь Зверина-озера. За лесом стояли дымы – то ли горело что-то, то ли рыбаки на берегу озера жгли костры. Солнце садилось над лесом, и на волнах озера плясала дорожка багровых отблесков. За лесом кто-то пел сильным высоким голосом, слов разобрать было нельзя, понятно было только, что поёт женщина.

– Не пора ль на ночлег остановиться, княже? – почтительно и вместе с тем так, что невозможно было возразить, спросил Рах, почти поравнявшись с Рогволодом, но в то же время держась чуть позади, на одну конскую морду. – Солнце садится.

– Распоряди, Рах, – кивнул княжич в ответ, чуть погоняя коня, и вслушался в поющий женский голос, стараясь разобрать слова.

Нет, не разобрать.

Плывать, – подумал вдруг Рогволод решительно. – Не опоздаем с одного-то дня! Завтра поохотимся, тем более, дружине надо что-то есть!

Подорожники у его людей уже заканчивались, а не будешь же ради прокорма грабить тех, кого пришёл защищать от саксов и их прелатов. Хорош ты будешь защитничек!

Полоцкий княжич появился на Варяжьем Поморье в конце травения. С ним было всего сотня полоцких воев, оторванных Всеславом от своей и без того невеликой дружины – впрочем, с Рогволодом в большинстве своём шли вои, прибывшие к Всеславу недавно. Старшим в Рогволожей дружине князь Всеслав поставил гридня Раха, сына прибывшего к нему когда-то лютича Стонега.

⁶ Сейчас озеро Шверинер-Зе, Германия.

Волхвы встречали Рогволода в устье Укры⁷. Бросив на побережье лоды, полоцкий княжич с дружиной сразу же ринулся через земли лютичей в глубину Вендской державы. По пути его дружина обрастала воями из ратарей и доленчан – при вести о появлении в лютицких землях сына полоцкого князя, потомка Велеса-Чернобога, многие вои хватались за оружие, готовые биться хоть с самим императором. А призывы волхва Велемысла, ехавшего рядом с княжичем, подливали масла в огонь.

Рогволод знал, что от него нужно волхвам – послужить живым знаменем, явным знаменем воли богов, явленной через своего великого отца, известного и на Варяжем Поморье. Знал и то, что перехватить князя Годослава-Готшалка волхвы намереваются на саксонской меже, в Лучине⁸, у глинян.

В Лучин Рогволод въезжал уже во главе дружины в три сотни воев. Княжич приподымался на стременах, озирает своё выросшее втрое войско, и его душу невольно переполняла гордость – за считанные дни он стал старшим над дружиной только втрое уступающей отцовской. Поневоле возгордишься, в четырнадцать-то лет.

Лучин его во многом отрезвил.

Города вендов не особенно отличались от виденных доселе Рогволодом городов кривичей и словен. Вместе с тем, они были очень похожи на вендские города в землях корси и чуди. В Кеси⁹ на Ореховой горе Рогволод ранее бывал многократно, и увиденное в землях лютичей и варягов его совсем не удивило.

Не был отличием и Лучин.

Те же высокие рубленые стены, только замкнутые в кольцо, высились на берегу Лучницы¹⁰. Та же гладь Рудова-озера¹¹ недалеко и тёмно-зелёная стена леса невадали. Прорезанные в валу ворота с рублеными стрельнями наверху. Почти всё – то же самое, что Рогволод видел дома, в кривской земле.

Поэтому он ни на мгновение не задержался, чтобы рассмотреть город с пригорка. Там более, что видно было – припоздали они.

Над городом стоял неумолчный крик, где-то уже полыхало пламя, валит клубами чёрный дым с проблесками огня, тревожно били колокола. В отворённых настежь воротах не было ни души – стража неведомо куда подевалась. Подивясь беспечности глинян, Рогволод только поторопил коня плетью. Не ударил, нет – лёгкого касания было достаточно, чтобы умница Бурко неодобрительно покосился на хозяина, переступил через брошенное поперёк дороги копьё и резко перешёл на рысь. Дружина тоже заспешила следом за юным князем, встревоженная криками, доносящимися из города. Чуть оборотясь назад, Рогволод краем глаза увидел, как кто-то из воев на скаку свесясь с седла, подхватил брошенное копьё – подёлом раззяве, что его потерял.

На улицах тоже было пусто, и княжич (ан не княжич, пожалуй, что и князь уже) махнул рукой в сторону пожара. Гривень Рах только согласно склонил голову – князь решил верно. Где горит – там и люди.

Горел княжий терем – Рогволод почему-то сразу понял, что княжий. А на площади у ворот в теремной двор сражались две дружины. Треск и гул пламени сливался со звоном железа и криками воев.

На глазах Рогволода, остановившего коня на краю площади и замершего на мгновение, высокая тесовая кровля терема с грохотом завалилась внутрь, взвился высокий дымный

⁷ Сейчас река Ucker в Германии, в междуречье Эльбы и Зале.

⁸ Сейчас город Ленцен в Германии.

⁹ Сейчас город Цесис в Латвии.

¹⁰ Сейчас река Локнитц-Бах в Германии.

¹¹ Сейчас озеро Рудовер-Зе в Германии.

вихрь, пронизанный искрами и угольями. Пламя на миг опало и тут же вновь обрадованно взревело и встало стеной.

Так они и весь город спялят, мельком подумал полоцкий княжич. Впрочем, основной город лежал к северо-востоку, на берегу озера, а тут, на Лукнице – только княжский замок.

Рогволод бросил взгляд на сражающихся – вои тоже замерли на несколько мгновений, заворожённо глядя на пламя. Кто же из них есть кто, на чьей он ныне стороне? А то и вовсе ни на чьей?

Выручил волхв, который встречал их ещё на морском побережье, да так и ехал вместе с полочанами через всю землю лютичей и варягов. Он указал на коренастого воя в посеребрённой кольчуге, которая стоял у самых ворот княжьего двора и обронил только одно слово:

– Годослав.

В этот же миг вои Годослава нажали на своих противников, ринули в бой с криком:

– Кирие элейсон¹²!

Их противники, вооружённые так же, понялись.

Волхв указал рукой на их вожака в алом с золотом плаще и обронил так же коротко, как и в прошлый раз:

– Блюссо.

Понятно. Родственники власть поделить не могут. Про Блюссо Рогволод не раз слышал по пути, да и от волхва Славимира в Полоцке слышал, когда отец и волхв объявили ему, что отправляется в землю варягов. Был Блюссо силён и властен, и давно уже не было мира меж ним и его шурином Годославом. Князь варяжский и церкви строил, и саксов на словенских землях селил, чтоб опору себе против язычников найти, и даже имя сменил на Готишалка. А Блюссо же, князь глинян, хоть и тоже крещён, только и время выбирал, чтоб шурина потеснить.

Выбрал, видимо.

Все эти мысли в голове Рогволода пронеслись мгновенно – долго раздумывать было некогда, Блюссо надо было спасать. Полочанин рванул из ножен меч, коротким взмахом указал на Годослава, и дружина с радостным рёвом хлынула вперёд, сверкая в отблесках пламени нагими клинками.

Сибились. С лязгом, с грохотом, с треском копейных оскепиц, с горловым рёвом и матом. Рогволод вновь, как и два года тому, в своей первой сшибке на Шелони почувствовал, как приливает к голове кровь, шумит в ушах и охватывает упоение боем. Меч словно сам плясал в руках, со звоном сшибаясь с вендскими клинками, и княжич уже опять не замечал, что его с двух сторон берегут поставленные нарочно для того Рахом вои.

Но до Готишалка он добраться не смог. «Годославицы» же понялись, а потом и вовсе бросились в бег – удар конной дружины Рогволода разом решил всё дело. На Годослава-Готишалка разом навалились пятеро «блюссичей», вырвали меч, выкручивали ему руки. На площади разом вдруг стало людно, толпы народу оступили пылающий терем и двор, ломали ворота и тын, хлынули на княжский двор с баграми, копьями и топорами. Одни ломали горящий терем, борясь с пожаром, другие крушили затворы и лезли в княжьи погреба, третьи добивали княжью дружину – вече, видимо решало сразу обе беды – и христианскую княжью власть, и пожар, им же, впрочем, и зажжённый.

Гарь.

Гарью несло от разваленного терема вендских князей, в котором они всегда останавливались, приезжая в Лучин за данью, от обгорелого тына вокруг двора. Пожар потушили общими силами.

¹² Господи помилуй! (греч.).

Вои Готишалка, те, кто смог остаться в живых, угрюмо стояли в окружении горожан, вооружённых кто чем – копья, рогатины, сулицы, топоры, кое-где и мечи, – и дружин Блюссо и Рогволода. Было их немного, десятка полтора, и ничего хорошего их не ждало. Они и сами это понимали, но в полон всё-таки сдались из глупой надежды на что-то непонятное, что избавит их от смерти, от извечной человеческой надежды на случайность, на счастливый исход.

Судьба воя – на острие его меча. Эта древняя истина ведома всем, была она ведома и «годославичам». И коль ты меча лишился, то и смерти жди, не заставит себя ждать.

Сам Готишалк глядел угрюмо и гордо, не отводя взгляда, и встретясь с ним взглядом, Рогволод невольно вздрогнул – столько обречённости и своеволия было во взгляде пленённого князя. Он глядел так, словно не он был в плену, а они, Рогволод и Блюссо, были в плену у него. Юный полоцкий княжич мало не попятился, но тут же овладел собой, вскинув голову – и по губам Готишалка, раздвинув светлые усы, скользнула мимолётная одобрительная улыбка. Вендский князь не знал, кто вырвал у него победу для Блюссо, но глядел на незнакомого мальчишку с одобрением и любопытством.

Гудение голосов опричь, едва до того слышимое Рогволодом, вдруг стихло разом, и сменилось шелестом шагов. Княжич глянул через плечо и замер.

Люди расступались.

По открытому ими проходу от собора к развалинам княжьего терема шёл (хотя нет, не шёл – шествовал!) священник. В торжественном облачении – в белой льняной альбе, ярко-алой stole, с белым амиктом на голове, в вишинёвой с золотой вышивкой казуле поверх альбы, и плувал бился на ветру за спиной синими крыльями, а плетёный пояс-цингулум раскачивался в такт шагам. Шествовал с позолоченным крестом в правой руке и с книгой в левой (неожиданно бросились в глаза тяжёлые серебряные застёжки на кожаной крышке книги). Словно собирался литургию служить.

Может и собирался.

Да только не до литургии было ныне мирянам, которые внезапно вспомнили, что ещё их отцы верили совсем в других богов.

Не был трусом священник – смерть глядела на него сотнями глаз, мечей, топоров, сулиц и рогатин. Шёл, не сгибаясь, поджав тонкие губы на бритом лице и только вырезные ноздри тонкого породистого носа чуть раздувались с каждым шагом, выдавая волнение.

Рогволод покосился в сторону, отыскивая волхва, который подсказывал ему кто есть кто, но волхва не было – он стоял около самого Блюссо, и княжич зяť смотрел на волхва встревоженным взглядом, словно не знал, что ему делать.

А, ну да, он же крещён! – вспомнил Рогволод с чувством какого-то превосходства. – Тот прелат ему по-прежнему духовный отец... не до конца, видать, отвергся от Христа Блюссо, коль не решается...

Что именно не решается сделать Блюссо, полочанин додумать не успел – княжич зяť заговорил:

– Здравствуй, отец Инпо!

– И ты здравствуй, Блюссо, – немедленно ответил прелат. – Что за бесчинства ты творишь? К чему поднял такие толпы народа?

Голос Инпо раскатился по площади, и люди на миг замерли в нерешительности – навыкли слушать прелата за годы правления Готишалка. Связанный князь поднял голову, в глазах его блеснула безумная надежда.

Рогволод поймал взгляд Раха – гридень готов был действовать. Княжич коротко кивнул – прелата надо было остановить. Старшой только шевельнул рукой – и ратари с доленчанами хлынули из-за спины княжича, расталкивая толпу. Полетела на утопанную глину дороги книга, выбирая из рук прелата, с его головы сорвали амикт, схватили и поволокли,

пачкая пылью белоснежную альбу. Торжествующе гаркнул что-то Блюссо, его вои, словно опомнясь от какого-то оцепенения, бросились на помощь к Рогволодим ратарям, хотя помогать было не в чем – весь шедший следом за Иппо клир уже разметала вечевая толпа.

Большинство христианских церквей строилось на месте бывших языческих святилищ. Так и здесь – совсем рядом с княжским теремом и церковью, около обрывистого берега Лукницы высился могучий камень, испещрённый какими-то неразборчивыми уже от времени рисунками (впрочем, приглядевшись, Рогволод наверное, мог бы и различить, что это за рисунки и даже письмена, но времени приглядываться не было) с плоской верхушкой – явно древний алтарь.

Иппо швырнули к подножию камня. От его нарядной одежды осталось уже только одно воспоминание – грязно-белое рубище, лохмотья. Прелат впрочем, тут же начал вновь подыматься на ноги, горящий взгляд его остановил ринувшихся было к нему градских. Голос прелата вновь зарокотал:

– Неправедно вино, неправеден царь, неправедны женичины, несправедливы все сыны человеческие и все дела их таковы, и нет в них истины, и они погибнут в неправде своей; а истина пребывает и остаётся сильною в век, и живёт и владычествует в век века. И нет у ней лицепрятия и различения, но делает она справедливое, удаляясь от всего несправедливого и злого, и все одобряют дела её¹³.

Но тут Блюссо, уже окончательно опомнясь от оцепенения, кивнул своим воям. Кто ударил прелата первым, Рогволод не видел, но кровь хлынула на камень потоком, и тело рухнуло в лужу крови, окрасившей рисунки на камне.

Почти сразу же следом за Иппо к камню швырнули и связанного князя Готшалка. Но князь – не священник, не навывиший к сырой жизни, он тут же извернулся и встал на ноги.

– Развяжи руки, Блюссо! – рыкнул он голосом, от которого у Рогволода ёкнуло в душе. Крепок был ещё князь Готшалк. – Убить хочешь – убей! В жертву принести хочешь – пусть так! Но дай мне хоть поединок!

Вои за спиной Рогволода еле слышно зароптали – с Готшалком и правда творили неподобное. Нет такого закона, чтоб вою, тем паче князю, не дать поединка. Рах только дёргал щекой и покусывал длинный ус, косясь на княжича – как тот скажет. А Рогволод ничего сказать не успел – Блюссо опередил:

– Не будет тебе поединка, вероотступнику, – холодно бросил он в ответ, и почти без замаха ударил копьём. Широкий серый рожон вмиг обагрился, роняя кровь на княжью кольчугу и одежду. Запрокинув голову, хлеща кровью из перерезанного горла, Готшалк рухнул поверх тела Иппо. А Блюссо оборотился и, окинув безумным взглядом полонённых Готшалковых воев, велел дружине:

– На меч их! Всех!

Рогволод содрогнулся и потряс головой, отгоняя воспоминания.

Блюссо.

Вот о ком помнить надо постоянно. Этот не остановится ни перед чем. Прелата Иппо убил, князя Годослава зарезал у алтаря, считай, в жертву принёс, даже и поединка не дал родственнику своему, шурина! Пленных воев перерезать велел...

И он, Рогволод, тут – чужак, кутёнок в водовороте... Полоцкий княжич почувствовал, что его охватывает страх. Страх и неуверенность. Такого не было и тогда, на Шелони, когда они сходились меч к мечу с «мстиславичами» и новгородцами. Там была своя земля, привычная, враги и друзья тоже – свои, привычные. Там был отцов пестун воевода Брень, на которого Рогволод (да и сам Всеслав тоже!) привык полагаться во всём. Впрочем, про Раха Стонежича тоже худого не слышно было доселе в полоцких дружинах.

Здесь – иначе.

¹³ Вторая книга Ездры, 4:37.

Здесь земля чужая. Да, когда-то их, кривичей предки пришли отсюда на берега Двины, Великой и Мутной. Когда-то, по слухам, и прапрадед, князь Рогволод, тоже из этих краёв на Полоту пришёл. Но сейчас – земля эта для них, кривичей, – чужая и непонятная.

Здесь враги и друзья – незнакомые, и не про каждого вдруг и скажешь, кто он – друг или враг. Друг ли ему крещёный князь Блюссо, убивший своего такого же крещёного шурина Готшалка? Или враг? Не понять. Да и за что он Готшалка убил? За то, что Готшалк силой крестил варягов или всё же из жажды власти, чтобы самому князем стать?!

Вот кто будет ему главной помехой.

Блюссо.

Рогволод вновь потрянул головой.

Будь что будет. С ним дружина, с ним Рах Стонежич, с ним его кривичи, с ним приставшие к нему варяги и лютичи.

Разберёмся.

И выберемся.

– Я не понимаю, отец! – Рогволод мотнул головой, отбрасывая со лба чупрун. Поморщился и поправил его рукой, забросив за правое ухо. После своего первого боя на Шелони княжич наголо обрил голову, оставив чупрун по старинному обычаю. Вот только чупрун пока плохо рос. Опять повернулся к отцу. – Они уже готовы. Зачем там нужен я? Действовать совместно можно и отсюда, они – там, а мы – тут! У них и сил достанет, и возжи найдутся.

– Найдутся, – Всеслав задумчиво глядел на сына, тербил ус пальцами левой руки, а правой, сам того не замечая, покачивал резную каповую чашу с квасом. – Вестимо, найдутся. Жалко, что ты не был со мной в Гориславле...

Рогволод смущённо ухмыльнулся – в те дни, когда отец встречался с волхвами в Гориславле, он охотился с друзьями в менских лесах, гонял вскачь по чащобам и кустам за лисами да кабанами.

Отец на ухмылку сына никакого внимания не обратил.

– Волхв Годовит ясно объяснил. Им нужен ты, как мой сын, как потомок Велеса.

Рогволод в размышлении кусал губу, постукивал костяшками пальцев по браной скатерти, стараясь не подымать глаз и не встречаться взглядом с отцом. Казалось, что подними он голову – и сразу догадается, что хочет сказать ему отец. Это казалось ему каким-то несправедливым, что ли, словно подсмотрел за кем-то или что-то украл. Наконец, он коротко кивнул, словно что-то поняв.

– Им нужно живое знамя? – почти утвердительно спросил он. – Потомок Велеса, не затронутый крещением... живая воля богов.

Всеслав в ответ только молча кивнул, но продолжал смотреть на сына испытующе, словно он сказал ещё не всё. Княжич вдруг понял.

– Это нужно и тебе? – опять же почти утвердительно сказал он. Подумал несколько мгновений и почти неверяще спросил. – Ты... надеешься, что я смогу занять престол? В Велигарде?

Князь коротко усмехнулся, чуть заметно кивнул головой.

– А я уж думал, ты так и будешь всю жизнь в болотах кабанов гонять, – сказал он насмешливо. Рогволод несколько мгновений подумал – не обидеться ли? – но отцова усмешка была доброй, обижаться всё-таки не стоило. Князь же, словно ничего не заметив, продолжал. – Это могло бы сильно сыграть нам на руку, сын.

Рогволод на миг задумался.

Да.

Отец был прав.

Это и вправду было бы сильно на руку Полоцку. Отец – в Полоцке. Он, Рогволод, – в Велигарде. Эрик Анундссон, жених Гориславлы, – в Свеарике... они могли бы стать хозяевами Вол-

чьего моря и всего Севера. Тогда и бороться с Ярославичами будет легче. Тогда и Доля обратно поворотится к потомкам древних родов, упустившим поводья из рук после громких крещений Мешко, Иштвана, Владимира и Олафа Шётконунга.

– *Каким образом я смогу это сделать?* – сын остро и деловито глянул на князя. – *У нас разве есть право на престол в Велигарде?*

– *Ты взаболь думаешь, что у Готти...* – Всеслав на мгновение поперхнулся саксонским именем князя и тут же поправился, – *у Годослава есть возможность сохранить престол? Ему бы жизнь-то свою спасти. А там... там уже вече будет решать, кто князем станет. Тебе надо показать себя в деле. Подружиться с людьми. А право... право найдётся.*

Песня над озером давно смолкла, только приглядысь можно было разглядеть где-то далеко в сгущающихся сумерках длинный чёлн.

Огонь весело плясал надо водой, от озера тянуло сыростью, пробирая до костей. Впрочем, в Рогволожей дружине мало кто ёжился от холода – Рах набрал из полочан в дружину юному княжичу молодёжь, мало кто из воев и был-то старше Рогволода Всеславича хотя бы лет на десять. На пять – да, были. И только сам Рах Стонежич был старше всех – ему доходил четвёртый десяток.

Княжич натянул обратно сползший с плеча плотный суконный плащ, задумчиво пошевелил палкой в костре. Пламя вспыхнуло веселее, потянуло острым запахом от нанизанного на прутья вяленого мяса, зашипело кипящее сало, капая на угли, тонко пахнуло гарью.

У других костров гомонили вои; у княжьего было тихо, только трещали дрова в огне – рядом с Рогволодом у костра не было никого, только гридень Рах.

– *Что мыслишь на завтра, наставниче?* – спросил наконец Рогволод. – *Поохотиться не мешало бы. Снеди в обозе вовсе мало, а до Велигарда путь не близок ещё.*

Рах бросил на воспитанника испытующий взгляд, словно говоря – а точно ль ты про снесь для дружины мыслишь, Рогволоде Всеславич? Или просто поохотиться захотел, душу юную потешить? Но сказать ничего не успел – зашелестели рассекаемые волны, скрипнули вёсла, и на отлогую песчаную косу совсем недалеко от костра выскочил косо срезанным носом долблённый рыбацкий чёлн. Краем глаза Рогволод успел заметить, как у соседних костров едва шевельнулись вои – глянули на чёлн и тут же отворотились, завидев в нём всего двоих или троих. Вроде как даже и с ленцой шевельнулись, но княжич не обманывался – это ленивое движение мгновенно переросло бы в хищное и стремительное, завидь только вои, что ему, Рогволоду, угрожает хоть какая-то опасность. А раз безопасно, так чего и беспокоиться-то?

Первым с челна спрыгнул на берег, по щиколотку в воде, мальчишка лет десяти, потянул чёлн за борт, вытягивая его на берег. Следом ступила девушка – ей было не больше пятнадцати, косы падали на спину с обеих сторон головы. Подобрал тёмное суконное платье и длинную рубаху крашеного льна (в сумерках Рогволод разглядел даже вышивку по краю, но не мог различить самого узора) она ступила на песок. Рыбачка? В крашеном-то платье с вышивкой? Нет, Рогволод был далёк от мысли, что рыбачка не может иметь крашеного платья с вышивкой. Но рыбу в нём ловить?

Третьим из челна выбрался сгорбленный старик, сполз на песок, кряхтя, поворотился к костру, окинул сидящих у огня Рогволода и Раха, хитро усмехнулся.

– *Занято наше местечко,* – проскрипел он в сторону девушки. – *Опоздали.*

– *Ну почему же занято?* – Рогволод легко поднялся на ноги. – *Пожалуйте к огню, добрые люди. Земля не куплена, чтоб кто-то кого-то мог к костру не пустить.*

Мальчишка с девушкой переглянулись, потом она шагнула вперёд, к самому огню и поклонилась – звякнули при поклоне обереги. Пламя отразилось в висящей на шее небедной луннице, в ожерелье из цветного стекла, осветило платье тёмно-синего сукна с узорными серебряными застёжками на груди, бледно-зелёную рубаху. Одета девушка была свейским побытом, да и волосы так же заплетены, не по-словенски (свеонку Рогволоду доводилось

видывать на своём веку, в отцовом терему была в холопках старая свеонка, купленная где-то на побережье); украшения были и свейские, и вендские. Кожа чиста, и руки тонки, хоть и ладони покрыты мозолями. А на покраснелом от холодной воды пальце – золотой перстень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.